

Вадим Проскурин

ПРИВИВКА ОТ КОСМОСА

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Вадим Геннадьевич Проскурин

Прививка от космоса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153777

Прививка от космоса: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 5-699-20342-7

Аннотация

Студент Алекс Магнум устроился работать на рудники планеты Мимир в надежде начать новую жизнь. И новая жизнь тут же захлестнула его, словно цунами. Рудники оказались поселением для бывших уголовников, и Алексу на новом месте пришлось несладко. А потом произошла космическая катастрофа, разрушившая систему жизнеобеспечения, и перед обитателями Мимира встала практически неразрешимая задача – выжить и эвакуироваться с планеты. Они пока не знают, что этот катаклизм стал лишь прелюдией к масштабной межгалактической войне...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	87
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Вадим Проскурин

Прививка от космоса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИМИР: ПРИБЫТИЕ

1

Гиперпространство – это ад. Так скажет любой сетлер, если вам, конечно, доведется поговорить с сетлером лицом к лицу. Людей, переживших два гиперпрыжка и оставшихся после этого не только в живых, но и с нормальной психикой, можно пересчитать по пальцам. Один гиперпереход выдерживает почти любой здоровый человек, но потом в организме что-то надламывается и получается, что путешествие в дальний космос становится путевкой в один конец. Бывают, конечно, исключения, но они только подтверждают правило.

Что именно происходит в организме в момент прыжка, толком никто не знает. Говорят, эти изменения очень просто описываются в терминах квантовой физики, но перевести их на понятный человеческий язык не удалось пока никому. Слова могут передать только общий смысл – в гипер-

пространстве человек чувствует себя **ОЧЕНЬ** плохо.

С точки зрения внешнего наблюдателя гиперпрыжок занимает один квант времени. Сколько это составляет в долях секунды – неизвестно, да и не важно, потому что любому дураку понятно, что квант времени – это очень короткое мгновение. Но если посмотреть изнутри...

Изнутри прыжок кажется вечностью. Исчезает само понятие времени, пространство превращается в вязкий удушливый студень, сжимается, обволакивает, геометрия вселенной искажается и каждое движение отдается в теле мучительной болью. Нельзя пошевелить ни рукой, ни ногой, нельзя моргать, нельзя даже дышать. Каждый удар сердца отдается ледящей болью и вскоре оно останавливается. Ты превращаешься в живого мертвеца, ты не дышишь, твое сердце не бьется, но ты все чувствуешь, ты ждешь смерти, но она не приходит, потому что вся вечность телесных мучений и душевного ужаса уместается в один-единственный неимоверно растянутый квант времени.

А потом все проходит. Только что тебя рвало на куски, и вдруг ты видишь, как металлические руки фибрилляторов медленно уползают в потолок капсулы, ты слышишь их тихое шипение и вдруг понимаешь, что все кончилось и ты снова жив. И вечность ада, которую ты только что пережил, начинает казаться далекой и ничего не значащей. Рубикон перейден, обратной дороги нет и кого волнует, что чувствовал Цезарь, когда ехал на коне по мосту?

Снова раздаётся негромкое шипение, крышка капсулы начинает медленно подниматься. Тусклое внутреннее освещение размазывается по внутренностям жилого отсека и становится ещё более тусклым. Впрочем, «жилой отсек» – это слишком сильно сказано. Восемь кубических метров – не отсек и даже не каюта, а всего лишь купе. Но когда все путешествие занимает только один час, большего и не нужно.

Я осторожно приподнимаюсь и пытаюсь сесть. Ничего не получается – вначале надо отстегнуть ремни. А заодно вспомнить, что вокруг невесомость, а значит – нельзя забывать об осторожности. Если, не дай бог, неподвижно зависнешь в центре отсека и не сможешь дотянуться до стен... Нет, от этого не умирают, в невесомости можно двигаться, например, сняв рубашку и с силой отбросив от себя, но залезать в холодный скафандр полуголым – удовольствие сомнительное. А если поползешь за рубашкой вдоль стены, есть опасность не уложиться в четверть часа, отведенные на высадку, и корабль уйдёт в следующий прыжок, который ты, скорее всего, не переживешь.

Забавно, как представлялись межзвездные путешествия нашим далеким предкам. Гигантские космические «Титаники», набитые сложнейшим оборудованием, управляемые многочисленной командой, в ходовой рубке седой капитан напряженно всматривается в экраны... Тьфу! Романтика, блин...

Нет в дальнем космосе никакой романтики. Вся романти-

ка вдребезги разбивается об одно-единственное обстоятельство – совершить межзвездный полет можно только раз в жизни. В дальнем космосе не продают билеты туда и обратно, все билеты только в один конец.

Бывают, конечно, случаи, когда сетлер попадает в безвыходную ситуацию и ему ничего не остается, кроме как вбить в корабельный компьютер последнее послание и отправить корабль в последний путь. Последний путь – только для человека, корабельное железо даже не замечает гиперпрыжка.

В одном случае из десяти человек выходит из второго прыжка живым. В одном случае из ста – живым и здоровым. Но остальные девяносто девять отчаявшихся ребят и девчат отправляются прямо в крематорий, иногда с промежуточной остановкой в дурдоме.

В дальнем космосе нет ни туристов, ни разведчиков, ни грузоперевозчиков, ни коммивояжеров. Любой полет к чужой звезде всегда становится эмиграцией без всяких шансов вернуться обратно (экстренные обстоятельства с последующим чудом не в счет). А когда ты не просто путешествуешь, а эмигрируешь, романтика неуместна.

Я осторожно распутываю ремни, фиксирующие меня на ложе. Застежки специально устроены так, чтобы расстегнуть их было непросто. Считается, что сетлер, справившийся с этим делом, окончательно оправляется от нервного потрясения и становится достаточно сосредоточенным, чтобы не натворить глупостей при посадке. Вроде бы эта нехитрая про-

цедура снижает смертность сетлеров на несколько процентов.

Скафандр висит на стене у изголовья капсулы, уже раскрытый и готовый к употреблению. Залезть в него, загерметизироваться и прогнать цикл самопроверки – дело нескольких минут. После этого остается только переключить тумблер, расположенный на стене прямо под рукой, и все, больше ничего от тебя не зависит, все остальное сделает корабельный компьютер. Он откачает воздух из жилого отсека, откроет люк и аккуратно выпихнет сетлера за борт специальным манипулятором. На этом миссия корабля по доставке пассажира считается завершенной и корабль с чистой совестью может перейти к следующему пункту программы. Если, конечно, считать, что у корабельного компьютера есть совесть.

Никакой романтики. Вместо красивого пейзажа за обзорным окном – тесная, темная и душная каморка без малейших намеков на иллюминаторы. Вместо невероятного количества приборов, экранов и контрольных лампочек – четыре ремня, две кнопки и тумблер. Вместо долгих лет учебы в академии – зачет по пользованию антигравом и получасовой предполетный инструктаж. Вместо огромной ответственности и великой гордости за профессию – простая цепочка действий, с которой справится и шимпанзе: лег в капсулу, нажал кнопку готовности, ждешь кошмара. Кошмар пришел – терпишь. Реанимация отработала, капсула открылась – отстеги-

ваешься. Ползешь к скафандру, залезаешь внутрь, нажимаешь кнопку, ждешь зеленой лампочки, дергаешь тумблер и все, добро пожаловать в ад.

Я осторожно переваливаюсь через край капсулы и ползу к скафандру по специальной лесенке, не забывая цепляться за скобы не менее чем двумя конечностями в каждый момент времени. В фильмах сетлеры преодолевают путь от капсулы до скафандра одним красивым прыжком, но я сейчас не в фильме. Да и инструктор все время повторял, что свободное парение в невесомости надо отрабатывать на Земле, а каждый, кто считает иначе – мазохист.

А вот и скафандр. Хватаюсь за специальные скобы на стене, подтягиваюсь на руках, сую ноги внутрь, отталкиваюсь и проваливаюсь в холодное и жесткое нутро. Почему-то скафандр кажется потным. Ничего страшного, можно и потерпеть, это ненадолго.

Кнопка на животе, почти как у Карлсона из древних сказок. Нахожу на ощупь и нажимаю. Лицевой щиток прижат к стене, поле зрения не превышает квадратного фута. За спиной раздается негромкий свист, переходящий в натужное поскрипывание – это манипуляторы начали процедуру герметизации. Перед глазами заморгала красная точка, скоро она станет зеленой и тогда можно будет покидать корабль. Надо только немного подождать, совсем немного, минуты две-три.

Звуки становятся приглушенными и почти неслышимыми. Это хорошо, это значит, все идет по плану. Осталось со-

всем немного... есть! Контрольная лампа горит равномерным зеленым светом. К выходу в открытый космос все готово.

Осторожно нащупываю тумблер. Рука не привыкла к толстой перчатке, приходится скосить глаза вниз, чтобы убедиться, что я нащупал именно то, что хотел. Глубокий вдох и энергичный рывок. Все, Рубикон перейден.

На самом-то деле Рубикон был перейден еще до прыжка, совсем в другой части вселенной, в тот момент, когда я нажал кнопку готовности к прыжку. Все, что было потом – просто иллюзия свободного выбора. Если бы я передумал и решил не покидать корабль, дело закончилось бы вторым прыжком и почти гарантированной смертью. Корабль не станет менять курс из-за свихнувшегося пассажира.

Заложило уши – корабль начал откачивать воздух из отсека. Скафандр раздувается, давление внутри немного падает, уши закладывает – все нормально. Через минуту я выйду наружу, в новую жизнь.

Я закрываю глаза и улыбаюсь. Я все-таки обманул полицию нравов, копы довели партию почти до конца, но в последний момент все-таки проиграли. Из дальнего космоса выдачи нет, как не было в средние века выдачи с Дона. А если кто-то хочет отменить этот закон – добро пожаловать в прыжок.

Стена перед глазами вздрагивает, сдвигается вправо и вдруг распахивается черным бездонным провалом. Слепи-

тельно яркие немигающие звезды вгрызаются мертвящим светом прямо в мозг. Легкий толчок в спину и я лечу, а вернее, падаю прямо в крошечную пустоту, в бездну без конца и края.

Вращательный импульс, нечаянно приданный телу манипулятором, медленно разворачивает меня вправо-вверх. Или вправо-вверх-назад? Когда нет никаких ориентиров, немудрено и запутаться.

А потом в поле зрения появляется первый ориентир и я теряю дар речи. Никакие фотографии, никакие трехмерные имитации не могут передать чувство, которое возникает при первом взгляде на Глаз Одина. Это невозможно описать, это надо увидеть.

2

Один – это большой глаз, неподвижно висящий в космосе. Широкий темно-красный зрачок, светящийся тусклым мертвенным светом, радужная оболочка, переливающаяся всеми оттенками оранжевого, желтого и коричневого, и больше ничего. Дьявольский глаз висит в межпланетной пустоте, он смотрит прямо на тебя и от этого по спине пробегают мурашки. Кажется, что взгляд Одина пронизывает тебя до глубины души, что в одно мгновение он постигает все глубины твоего подсознания и... не то чтобы подчиняет волю... даже не знаю, как это объяснить человеческими словами.

А потом ты понимаешь, что глаз едва заметно мерцает, что он насквозь пронизан мельчайшими бело-голубыми блестками, каждую секунду тысячи блесков появляются и исчезают едва ли не в каждой его точке и от этого он становится призрачным и нереальным, как будто он – не необычное астрономическое тело, а самый настоящий глаз, дыра в иное измерение, сквозь которую за тобой следит жуткое и непредставимое существо.

Но вот ты замечаешь, что вокруг глаза совсем нет звезд. И как только ты понимаешь это, из черноты космоса медленно проступает глазное яблоко. Призрачный черный шар, нарисованный в черном небе тем же самым бело-голубым пунктиром рождающихся и гибнущих блесков. И никакое это не глазное яблоко, а планета Один, относящаяся к редкому классу квазигигантов.

Если говорить научным языком, квазигигант – это газовый гигант, в котором относительно мало водорода и гелия, и относительно много углерода, азота и кислорода. По диаметру Один примерно вдвое больше Земли, но по массе превосходит ее почти в пятнадцать раз. Один не очень далеко отстоит от звезды, но звезда Одина – тусклый красный карлик, по сравнению с Солнцем она почти не светит и не греет. Один греет себя сам, он – слабо тлеющая «почти звезда», он не излучает света, но температура на его условной поверхности доходит до – 100 по Цельсию, а в центре глаза, если ученые не врут, иногда зашкаливает и за ноль.

Вокруг Одина крутятся восемь больших спутников, первый из которых, Мимир, и является целью моего путешествия.

Мимир совершает оборот вокруг планеты ровно за одни сутки Одина, составляющие семь земных часов. Мимир как бы висит все время над одной и той же точкой на экваторе Одина, точнее, не висит, а колеблется, как маятник, чуть-чуть отклоняясь от экватора то на север, то на юг.

Глаз Одина смотрит точно на Мимира. Приливная сила, исходящая от Мимира, делает с атмосферой Одина что-то не вполне понятное даже ученым, но невероятно мощное. В центре глаза атмосфера Одина свободна от облаков, свет, испускаемый ядром планеты, вырывается в космос и это свечение образует красный зрачок глаза. Гигантский воздушный поток вырывается из разогретой глубины в верхние слои атмосферы, остывает, смешивается с холодными газами, закручивается в адскую спираль и распадается тысячами вихрей, каждый из которых превосходит своей мощностью любой земной ураган. Миллиарды молний ежесекундно пронзают небо и свет этих молний, преломленный в облаках, образует радужную оболочку глаза Одина. Глаз Одина напитан атмосферным электричеством буквально под завязку.

Один производит половину всей электроэнергии, потребляемой человечеством. В стратосфере над глазом на стационарных антигравах подвешена стокилометровая паутина сверхпроводящих нитей, их свободные концы свешиваются

вниз и все, что нужно делать управляющему компьютеру – соединять нити в пары с наибольшей разностью потенциалов, да передавать собранную энергию через пятисоттонный сверхпроводящий кабель на Мимир, а оттуда – на причалы, у которых ждут своей очереди танкеры.

Объемы энергии, выкачиваемые из Одина, просто не укладываются в голове. Энергоблок большого корабля паутина полностью заряжает за четыре минуты. Супертанкеры висят на заправке до двух суток и запасенной энергии одного танкера хватает на то, чтобы целые сутки питать энергией всю Землю. А когда паутину достроят до расчетной величины, Один сможет питать энергией все человечество, так сказать, в реальном времени.

Не нужно никаких солнечных батарей, никаких фокусирующих зеркал, никаких турбин, вообще ничего. Только свободно болтающиеся концы проводов, подключенные к атмосферной розетке, откуда сколько энергии ни бери, меньше все равно не становится. Этакая энергетическая скатерть-самобранка. Неудивительно, что человеческая энергетика так вцепилась в это чудо природы.

В ушах негромко пискнуло. Кажется, приближается поверхность Мимира, а я совсем забыл о предстоящей посадке, засмотревшись на глаз. Ну-ка, где у нас Мимир... Как же трудно в открытом космосе определять, где перед, где зад... Особенно если солнце такое тусклое и расположено так далеко, что его не сразу и отыщешь в звездном небе.

Ага, вот он, Мимир – еще один черный круг на фоне звезд. Кажется, он медленно растет. Да, точно, растет. Пора связаться с базой, доложить о себе.

– Говорит Алекс Магнум, – говорю я. – Прошу разрешения на посадку.

Ответа нет. Я жду минуту и уже собираюсь повторить запрос, как вдруг понимаю, что так и не включил радиостанцию. Что-то я совсем расслабился.

Движение глазами по меню, клик языком по передним зубам и в ушах зашипело, захрустело и запищало на все лады. Но через секунду космические шумы стихают, приглушенные входным фильтром, распознавшим человеческую речь:

– Говорит Мимир, – раздраженно произнес незнакомый мужской голос. – Пассажир, как меня слышишь?

– Говорит Алекс Магнум, – откликнулся я. – Слышу хорошо.

– А чего раньше не отзывался? – поинтересовался голос. – Радио забыл включить?

Я смущенно промычал нечто нечленораздельное.

– Активируй внешнее управление на полный доступ, – потребовал голос. – Будем тебя сажать.

– А может... – попытался я возразить, но голос немедленно осадил меня:

– Не может. Отдавай управление и не дергайся.

Я не стал дергаться и отдал управление. Я бы и сам совершил посадку без проблем, при 0.13g на поверхности это

задача для новичка. Особенно если поверхность ровная, белая и с подсветкой точки приземления. Но начинать вхождение в коллектив с отказа подчиняться приказу, да еще по такому пустячному поводу – не самая толковая идея. В конце концов, я всегда успею взять управление на себя, при 0.13g трудно представить себе траекторию, для ухода с которой не хватит мощности антигравы, встроенного в скафандр.

В общем, я отдал управление и стал ждать посадки. Когда ждать надоело, я спросил у базы, сколько осталось времени и тот же самый голос ответил, что около пяти минут. Я вздохнул и стал ждать дальше.

3

Посадка прошла безупречно, я бы и сам лучше не справился. Особенно если учесть, что никакой подсветки в точке приземления не было и в помине, а ровная белая поверхность в отсутствие солнечного света абсолютно ничем не отличается от ровной черной поверхности.

– Ну как, Алекс? – раздался голос в наушниках. – Нормально сел?

– Нормально, – отозвался я. – Куда идти?

– Не идти, а прыгать, – поправил меня голос. – Прыгай на двух ногах, как кенгуру, при нашей силе тяжести так удобнее всего.

– Знаю, – буркнул я, – на инструктаже говорили. Куда

прыгать-то?

– Прямо к террикону. Перед самым склоном будет вход в лифт. Такой сортир гофрированный, его ни с чем не перепутаешь.

– Куда-куда идти? – переспросил я. – К какому еще террикону?

– Ну, где маяк светит.

– Какой маяк? – не понял я. – Инфракрасный, что ли?

– Сейчас, погоди... – пробормотал голос. – Теперь видно?

Справа от меня загорелся неяркий голубой огонек. Далеко, почти у самого горизонта... впрочем, горизонт здесь намного ближе, чем на Земле. Километра два от силы.

– Вижу, – сказал я. – Начинаю прыгать.

– Осторожнее, – посоветовал голос. – Слишком высоко не взлетай, прыгай над самой землей. И фонарь включить не забудь.

Я мысленно обругал себя последними словами и включил фонарь. И немедленно зажмурился, ослепленный немислимимым белым сиянием. Казалось, свет фонаря уткнулся даже не в зеркало, а в какой-то фотонный усилитель, что ли...

– Только не на полную мощность, – добавил голос. – Тут если яркий свет включить, такая белая мгла наступает, какую и на Чукотке не увидишь.

Я уменьшил мощность фонаря и с некоторым опасением открыл глаза. Действительно, местный лед под ярким светом спит так, что на Земле...

– Чукотка – это на Земле? – спросил я.

– На Земле, – подтвердил голос. – Ты американец?

– Да, а что?

– Где Аляска, знаешь?

– Примерно.

– Чукотка рядом, через пролив.

– В России, что ли? Погоди, ты русский?

– Да. Женя меня зовут.

– Юджин? – переспросил я.

– Можно и так сказать, – согласился Юджин. – Все равно по нормальному не выговоришь. Ты уже проморгался?

– Вроде да.

– Тогда скачи сюда. Только осторожнее, в трещину не попади. Если почувствуешь, что проваливаешься, сразу включай антиграв. Об энергии не беспокойся, она тут халявная.

– Хорошо, – сказал я. – Поскакал.

Космонавты не врут, при малой силе тяжести кенгуриные прыжки действительно самый удобный способ перемещения. И приноровиться к этому способу совсем не тяжело, пару раз прыгнул и уже кажется, что всю жизнь только так и скакал.

Луч фонаря скользнул вверх-вниз по ледяной поверхности и вдруг куда-то исчез, словно от освещенного овала какими-то волшебными ножницами отрезали половину. Вот под ногами лед, идеально ровный и чистый, как ухоженный каток, а вот сплошная чернота, как будто за этой трещиной

кончается мир. Трещиной?!

Я врubil антиграв и подпрыгнул вверх, метров, наверное, на пятьдесят. Точнее сказать трудно, потому что поверхность земли (точнее, Мимира) сразу скрылась во тьме и больше нет никаких ориентиров, кроме далекого маяка, впрочем, не такого уж и далекого, раз он так резко ушел вниз... И что это за белое пятно там появилось?

Однако по порядку. Наклонить голову вниз... как же это трудно в скафандре... Трещина глубокая, но узкая, метра четыре всего, такую даже без антиграва перескочить – плевое дело. И чего я так разволновался?...

Я осторожно приземлился за трещиной, упруго оттолкнулся ногами ото льда и поскакал дальше. Вскоре стало ясно, что за белое пятно я увидел в верхней точке прыжка – это тот самый террикон, о котором говорил Юджин. Жилой комплекс станции расположен на дне глубокой шахты, а раз есть шахта, то где-то рядом должен быть террикон.

Внешне террикон напоминал хрустальную гору не помню из какой сказки. То есть, я-то знаю, что это всего лишь большая куча льда высотой с маленький небоскреб, но сознание отказывается признавать, что обычный лед может быть таким чистым и таким блестящим.

– Ты где там болтаешься? – раздался в ушах голос Юджина. – Сколько тебе еще до маяка?

Я прикинул расстояние на глаз и ответил, немного поколебавшись:

– Метров семьсот, наверное. Может, восемьсот...

– Значит, четыреста, – сказал Юджин. – По первому разу все ошибаются примерно раза в два. Давай, шевелись быстрее, пока успеваешь.

– К чему успеваю? – не понял я.

– К волне. Про волну тебе на инструктаже говорили?

Про волну, действительно, на инструктаже говорили. Каждые, кажется, тринадцать часов к Мимиру приближается Локи и тогда...

– Ты скачи, скачи, – сказал Юджин. – Не тормози. У тебя семь минут, чтобы добраться до лифта. Но сильно не нервничай, не успеешь – ничего страшного, просто придется подождать часа полтора, пока волна не пройдет.

Я открыл рот, чтобы задать вопрос, но Юджин меня опередил:

– На этой стороне Мимира приливная волна не опасна, – сказал он. – Но лифты на всякий случай отключаются. Так что лучше поторопись. Если своим ходом не успеваешь, включи антиграв.

Антиграв включать не пришлось, я успел добраться до цели своим ходом. Цель, надо сказать, выглядела сюрреалистически, особенно в мертвенном голубом свете маяка – посреди бескрайней плоской равнины стоит ледяная пирамида, а рядом с ней притулилось маленькое сооружение из гофрированного листового металла, похожее на автомобильный гараж из исторических фильмов. Или на общественный туалет

где-нибудь в Антарктиде. Причем с открытой дверью. Нет, даже не открытой, а отсутствующей.

Я заглянул в дверной проем и обнаружил за ним маленькую комнатку, единственным предметом обстановки в которой был здоровенный тумблер на стене, точь-в-точь как тот, которым я открывал внешний люк в корабле. Неужели это и есть кабина лифта? А где двери? Пусть даже внешних дверей нет, внутренние-то должны быть!

– Тебе еще долго? – спросил Юджин. – Волна вот-вот придет.

– Я уже в лифте, – ответил я. – Чтобы поехать вниз, надо повернуть тумблер?

– Догадливый, – хмыкнул Юджин. – Давай, поворачивай, а то обесточу все.

Я ухватился за тумблер и перещелкнул его в нижнее положение. Двигался он очень туго, похоже, его никогда не смазывали. Как бы не заклинил...

Нет, не заклинил. Кабина провалилась вниз, невесомость подкатила комом к горлу, поверхность Мимира поползла вверх, вначале медленно и плавно, но все быстрее и быстрее. Секунды через две весь дверной проем заполнила стена шахты, не ледяная, как я ожидал, а металлическая. Не иначе, облицевали изнутри.

Кабину резко встряхнуло и сила тяжести снова вернулась. Мысль о том, что кабина оторвалась и неконтролируемо падает вниз, покинула сознание, не успев толком в нем утвер-

диться. Интересно, какая глубина у этой шахты? Корпорация не раскрывает для общественности никаких подробностей о жизни в поселении на Мимире, они считаются коммерческой тайной. А может, это не просто коммерческая тайна, может, им есть что скрывать и от правоохранительных органов? Впрочем, для меня обратного пути все равно уже нет.

– Долго ехать? – спросил я.

– Четыре минуты, – ответил Юджин. – Уже три с половиной.

– Глубина шахты – метров триста?

– Пятьсот. Лифт скоростной.

– Понятно, – сказал я и замолк, не зная, о чем еще говорить.

– Как настроение? – спросил Юджин. – Уже страшно?

– Почему страшно? – удивился я. – И почему уже? Тут есть чего бояться?

Юджин издал короткий смешок.

– Новенькие всегда боятся, – сказал он. – Особенно когда едут в лифте. Кабина без дверей нервирует – начинаешь думать, что дверей нет потому, что корпорация на всем экономит. А потом начинаешь думать, что ждет тебя внизу, и это пугает.

– А что ждет меня внизу? – спросил я.

– Увидишь, – ответил Юджин. – Ничего ужасного, жить можно. У шлюза тебя Рик встретит, он уже почти на месте. Не волнуйся, все будет в порядке. Вибрацию чувствуешь?

– Ну, есть что-то такое...

– Зубы не клацают?

– Нет. А что, должны?

– Не должны, – Юджин снова засмеялся. – Ладно, не грузись пока. Хочешь узнать, почему наверху нет дверей?

– Ну.

– Что ну?

– Допустим, хочу.

– Допустим или хочешь?

Манера Юджина вести разговор начала меня злить.

– Хочешь честный ответ? – спросил я. – Рано или поздно я все равно все узнаю, но если ты хочешь рассказать прямо сейчас – буду благодарен. Мне сейчас все равно делать нечего.

– Молодец! – сказал Юджин. – Замечательно держишься, так и продолжай. А дверей нет потому, что вокруг вакуум и температура минус девяносто. Жидкая смазка замерзает, а ставить магнитную подвеску нет смысла. Да и зачем там дверь, когда вокруг вакуум?

– Понял, – сказал я. – Спасибо за разъяснения.

– Да ты не злись, – сказал Юджин. – У нас тут скучно, вот и подкальываем друг друга. Ты скоро и сам все поймешь. Приготовься, сейчас тряхнет.

Секунд через пять, действительно, кабину сильно встряхнуло и лифт остановился.

– Проходи в шлюз, – сказал Юджин. – И добро пожаловать

в наш маленький, но уютный ад.

4

Я вышел из лифта и вошел (а вернее, впрыгнул) в короткий коридор, в дальнем торце которого красовалась мощная и внушительная металлическая дверь, украшенная здоровенным металлическим колесом, наподобие тех, какими в исторических фильмах открывают двери банковских сейфов и люки подводных лодок. Неужели мне придется крутить его вручную? В скафандре это не слишком удобно, особенно при минус девяносто и в вакууме.

Внезапно пол под ногами содрогнулся, не очень сильно, но явственно. Я огляделся по сторонам и обнаружил, что сзади опустилась (или поднялась, или выехала из стены) переборка, отрезавшая меня от кабины лифта. В середине переборки красовалась точно такая же дверь с колесом, как и впереди. Все стало ясно – во-первых, я уже в шлюзе, а во-вторых, ничего руками крутить не придется, эти двери здесь просто на всякий случай, если вдруг автоматика выйдет из строя.

Через пару секунд я услышал тихое шипение, снова заложило уши – очевидно, шлюз наполняется воздухом. Интересно, когда давление станет нормальным? И почему на стене нет никакого индикатора?

В стене что-то зажужжало и переборка впереди плавно

уползла в стену. И я увидел первого человека в этом мире.

Это был высокий и очень худой блондин лет тридцати, длинные волосы были собраны в хвост на затылке. Одет он был в толстый шерстяной халат, на тощих голых ногах нечто среднее между тапочками и кроссовками, под ними шерстяные носки. Необычный наряд для космической станции.

Я поднял руку в приветственном жесте, опустил, разгерметизировал скафандр и откинул шлем.

– Добрый день, – сказал я.

– Здорово! – отозвался мужчина. – Я Рик Диз. Пойдем отсюда.

– А я Алекс Магнум, – представился я. – Черт! Почему так холодно? И чем тут воняет?

Рик хихикнул.

– Буферная зона, – пояснил он. – Она же холодильник. В помещениях внешнего периметра поддерживается минус десять по Цельсию, чтобы снаружи лед не таял. А воняет ароматизатором.

– Противно, – поморщился я.

Рик пожал плечами.

– Если убрать ароматизацию, будет вонять аммиаком, – сказал он. – Лучше уж так.

Буферная зона отделялась от жилой еще одним шлюзом. Когда мы прошли через него, Рик немедленно скинул халат, тапочки и носки и остался в обычном для космонавта виде – в шортах и босиком. Шорты были длинными, почти до ко-

лен, и с огромным количеством карманов, нормальные такие космонавтские шорты.

– погоди, – сказал Рик, увидев, что я начал дергаться, пытаясь вытащить руки из рукавов скафандра и просунуть их в центральную секцию. – Не суетись, сейчас помогу.

Через минуту скафандр отправился в стенной шкаф в компанию еще восьми таких же скафандров.

– Сейчас переоденешься, – сказал Рик, – помоешься с до-роги, а потом как раз время обеда подойдет. Сегодня будешь есть за одним столом с Мамой, это традиция. Постарайся произвести на нее хорошее впечатление, она у нас самая главная, с ней лучше не ссориться. За что сидишь, кстати?

– В смысле сидишь? – не понял я. – Тут что, тюрьма?

Рик расхохотался:

– А ты еще не понял? Я сижу за убийство, Джин – за шпионаж, Мама сбила ребенка флаером. Просто так сюда не попадают.

– погоди, – замялся я. – Но сюда же вербуют за деньги...

Рик странно посмотрел на меня.

– Хочешь сказать, что завербовался за деньги? – спросил он. – Может, скажешь еще, что прилетел сюда из любви к человечеству? Ты не из научных случайно?

– Нет, – ответил я. – Я менеджер.

Теперь глаза Рика буквально лезли на лоб.

– Что? – переспросил он. – Менеджер? Какой еще мене-

джер?

– Я окончил Йельский университет по специальности «менеджмент», – ответил я. – С отличием, между прочим.

Рик присвистнул, кажется, издевательски.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Двадцать четыре.

– Где работал после университета?

– Нигде, я сразу пошел в аспирантуру.

– Какая была специализация?

– Прикладная социология.

Рик снова засвистел, теперь уже печально.

– Даже не знаю, что и сказать, – заявил он после продолжительной паузы. – Честное слово, не знаю.

Он оглядел меня с ног до головы, оценивающе и, кажется, с жалостью.

– Что-то не так? – спросил я.

– Все не так, – сказал Рик. – Начиная с одежды. Пошли, обеспечим тебя всем необходимым.

И мы поскакали на бельевой склад, как два здоровенных кенгуру.

5

Изнутри станция выглядела в точности так, как и должна выглядеть космическая станция согласно фильмам и телепередачам. Узкие коридоры, многочисленные одинаковые две-

ри без табличек, тут и там сквозные дыры в полу и потолке с торчащими посередине шестами. При низкой гравитации карабкаться по шесту гораздо удобнее, чем по лестнице. Нет, лестницы тут тоже есть, мимо одной мы уже проскакали.

Метров через двадцать мы опустились на уровень ниже, не по шесту, а просто спрыгнув, а точнее, шагнув вниз (при такой гравитации, падая с высоты немногим выше собственного роста, не успеваешь набрать большую скорость), проскакали еще метров пятьдесят, опустились еще на два уровня вниз и Рик остановился у ничем не примечательной двери. Через секунду она распахнулась.

– На дверях ручек нигде нет, но ты не удивляйся, – сказал Рик. – У нас так везде: встал перед дверью – она и открывается. Или не открывается, если тебе не положено туда заходить. Я тебе потом объясню, как в своей комнате приглашениями управлять.

– Какими приглашениями? – не понял я.

– На вход. Мы тут как вампиры – без приглашения в гости не ходим, – хихикнул Рик. – Кстати, раз уж зашла речь об этом, если тебя вдруг откуда-нибудь попросят – уходи немедленно и не забудь извиниться, даже если не понимаешь, где накосячил. А в первые месяцы, пока не привыкнешь, вообще извиняйся по любому поводу, целее будешь.

Я нахмурился.

– Ты говоришь, как будто в тюрьме сидишь, – сказал я. – Накосячил, целее будешь...

– Так это тюрьма и есть, – кивнул Рик. – А ты думал, в сказку попал? Мы тут все пожизненное отбываем. Тебя, кстати, за что упекли? Ты так и не ответил.

– Меня не упекли, – сказал я, стараясь оставаться спокойным и вежливым. – Я завербовался сам, по собственному желанию. Я хоть и в Йеле учился, но на «роллс-ройсе» не летал, моя мама всю жизнь на пособии просидела...

Рик остановил меня движением руки.

– Извини, – сказал он, – не хотел обидеть. Сам значит сам. Смотри лучше сюда. Это прачечная. Стиральная машина всего одна, но больше и не нужно. Вот корзина для белого белья, вот для цветного, вот сюда вываливается чистое. Вон за той дверью душевая. Расход воды нелимитирован, но не злоупотребляй. Если услышишь характерное такое попискивание – пи-пи-пи, значит, за дверью кто-то ждет очереди. В таком случае постарайся помыться побыстрее, не заставляй людей ждать. Есть еще ванная, но она одна на всю станцию, в нее надо записываться у дежурного по жилью. Но только не в рабочую смену. Короче, разберешься. А теперь иди сюда. Бери вот этот пакет и еще... ладно, этот я сам возьму. Пойдем, покажу тебе твою комнату.

Мы проскакали по коридору метров пятнадцать-двадцать и прыгнули в дыру в полу еще на уровень ниже. Здесь был такой же коридор, но на каждой двери красовалась табличка с именем и фамилией. Йоши Йошида (рядом пририсован улыбающийся человечек с огромными глазами, вскинув-

ший руку в приветствии), Йомен Вайль (крупными печатными буквами), Таня Буш (буквы расплывчатые, едва заметные), Сюзанна Остхофф (вторая буква слегка замазана, как будто автор надписи не была уверена, как правильно пишется ее имя)... А вот и единственная дверь без таблички, не иначе, моя.

Рик остановился напротив нее и она распахнулась.

– Заходи, – сказал Рик. – Это теперь твой дом.

Я зашел. Маленькая прямоугольная комнатка, примерно два на три метра. В дальнем углу на стене люк откидного унитаза, чуть выше люк откидной раковины. Половину комнаты занимает большая кровать, похожая на больничную. Стоп. Неужели...

– Это... виртуалка? – спросил я.

Мне потребовалось секунды две, чтобы собраться с духом и произнести запретное слово. Рик явно потешался, наблюдая за моими колебаниями.

– Виртуалка, – подтвердил он, улыбаясь. – В дальнем космосе без виртуалки никак нельзя. Сам подумай, какие тут развлечения? Погулять без скафандра не выйдешь, да и в скафандре тоже удовольствие еще то. Пятьдесят миллирентген в час, в общем-то, ерунда...

– Миллирентген? – переспросил я. – Не микро?

– Милли, – кивнул Рик. – Уровень радиации на поверхности Мимира – пятьдесят миллирентген в час. А чему ты удивляешься? Радиационный пояс. На полпути к глазу бы-

вает и до полурентгена в час доходит.

Рик подошел к кровати и бросил на нее запечатанный пакет, который держал в руках.

– Тут твои шорты, – сказал он, – трусы, полотенца, всякая ерунда. В другом пакете простыни и наволочки. Постельного белья только один комплект, будешь стирать по мере необходимости. Где прачечная – я тебе показал.

– А зачем две подушки? – спросил я.

Рик рассмеялся.

– Если хочешь всегда спать один – никто тебя не неволит, – ответил он. – А если не хочешь – имеешь право на женщину раз в двенадцать дней. Ты не голубой случайно?

– Нет, – помотал я головой, – не голубой.

– Жаль, – вздохнул Рик.

Я подозрительно посмотрел на него. То-то мне показалось странным, что он вокруг меня увивается...

Рик поймал мой взгляд и расхохотался.

– Нет, я не голубой, – сказал он. – У нас только один голубой, Йоши. Очень страдает без взаимности, мальчики его не любят, брезгуют, а виртуалка ему самому не нравится. Может, ты бисексуал хоть чуть-чуть?

Я брезгливо помотал головой.

– Жаль, – снова вздохнул Рик. – Бедный Йоши... ну да ладно. Про виртуалку тебе потом все объяснят, все равно она тебе не скоро понадобится... Что тут еще у нас... С сортиром справишься?

– Справлюсь, – кивнул я. – На корабле точно такой же стоял.

– Замечательно. Часы у тебя какие?

– Нормальные, космонавтские, – я продемонстрировал Рику левое запястье.

– Отлично. В сутках у нас двадцать шесть земных часов, восемь минут и двадцать три секунды. Местных часов двадцать четыре.

– Почему так странно? – удивился я. – Должно быть семь земных часов или что-то кратное.

– Период волны тринадцать часов, – пояснил Рик. – Волна идет с полудня до половины второго дня и с полуночи до половины второй ночи, в это время не ходят лифты. Так что переставь часы на двадцать шесть часов в сутках и еще на трое суток назад отмотай.

– А это еще зачем?

– К нам телевидение приходит с опозданием. Пока запишут, пока довезут... Все время смотреть старые новости как-то неприятно, а когда передача как бы сегодняшняя – совсем другое дело. Иллюзия, конечно, но приятная.

– Сейчас сколько времени по-вашему? – спросил я. – Полдень или полночь? Ах да, ты говорил, обед скоро.

– Догадливый, – улыбнулся Рик. – Так. Телевизор здесь.

Он ткнул пальцем в неприметную кнопку и часть стены осветилась. Показывали старую комедию про террористов. Я смотрел эту программу три дня назад по тому же самому

каналу.

– Много у вас тут ловится? – спросил я.

– Визуальных каналов около сотни, – ответил Рик. – И еще пара сотен радиотрансляций. Если захочешь принимать что-то особенное, оставь заявку дежурному по жилью, дней через пять начнется вещание. Можно отдельные фильмы заказывать, только срок доставки больше, обычно дней десять.

– А книги?

– Книжки тоже можно. Можно даже бумажные, но их ждать еще дольше. Если интересуешься, в холодильнике большая свалка бумажных книг.

– В холодильнике?

– Ну, в буферной зоне у внешней стены станции, у нас ее холодильником называют. Туда весь мусор вываливают, ну, не совсем мусор, а такие вещи, которые, может, кому-то еще пригодятся, но вряд ли, а выкидывать жалко. Книжки, например... Пятый уровень, западный сектор, он общедоступный, можешь смело заходить.

– А мы сейчас на каком уровне?

– На пятом. Первый уровень – это шлюз, дальше нумерация растет вниз. Стороны света у тебя компас в часах показывает.

– А он нормально здесь работает? Столько аппаратуры всякой...

– Около станции стороны света определяет главный энергоблок, – улыбнулся Рик. – Магнитное поле у Мимира до-

вольно сильное, но энергоблок его забивает. Но ты скоро и без компаса начнешь ориентироваться, за пару недель все переходы наизусть запомнишь. Станция не такая уж большая.

Часы Рика издали короткий писк. Он бросил взгляд на циферблат и резко заторопился.

– Здесь, – он ткнул пальцем в угол комнаты, – тренажерный комплекс, выдвигается вот так, – он показал кнопку на стене, – разберешься.

– Тренажерный комплекс? – удивился я. – В такой маленькой комнатухе?

– Ну, если это можно назвать комплексом... – поморщился Рик. – Что еще... Вроде основное я тебе все показал. Столовая на шестом уровне, в центре станции, обед начинается через полчаса. Сходи в душ, помойся, и подходи.

– К обеду как одеваться? – спросил я.

– Как обычно, – ответил Рик после короткой паузы. – Шорты обязательны, голым в общественных местах ходить нельзя. Остальное на твое усмотрение. Если бороду отращивать не собираешься – побрейся, бритва в предбаннике душевой. Только возьми одноразовую насадку из ящика, там найдешь. Часы уже перевел? Давай, переводи и я побегу.

Я установил на часах местное время, Рик извинился и убежал. Я остался один.

Некоторое время я стоял посреди комнаты и тупо озирался по сторонам. Вот она какая, новая жизнь...

Я подошел к туалетному углу и пнул ногой защелку унитаза. Унитаз выпал, я приспустил штаны, бросил рассеянный взгляд внутрь и остолбенел. На внутренней поверхности унитаза было написано жирными кроваво-красными буквами:

КНАРИ ГЛУПЫЕ РЫБКИ 12

6

Первое впечатление оказалось ложным – буквы были выведены вовсе не кровью, а темно-красным маркером, очень легко смываемым. После того, как я закончил свои дела и задвинул унитаз обратно, от букв не осталось и следа. Интересно, кто и зачем оставил это послание? Что за глупая шутка? Надо спросить при случае, жил ли кто-то в этой комнате до меня (и куда он пропал?) или я первый ее обитатель. Скорее, второе – паутина еще не достроена, а значит, станция должна постепенно заселяться по мере того, как продвигается строительство. Логично заселять станцию не сразу, а постепенно, появилась новая вакансия – на станции появляется соответствующий специалист. Похоже, сейчас на станции заполнены далеко не все вакансии – нам с Риком не встретилось в коридорах ни одного человека. Но...

Нет, сейчас я не буду думать над этим посланием, сейчас надо принять душ, переодеться и прибыть к торжественному обеду при полном параде. Судя по словам Рика, к обеденной

церемонии здесь относятся серьезно. Будет нехорошо, если я опоздаю.

Я едва успел – когда я входил в столовую, большая часть столов была уже заполнена. Но обед еще не начался.

Я и не думал, что на станции так много народу. Человек пятьдесят, наверное, если не больше. Куда все они подевались час назад? Неужто вкалывают как лоси от зари до зари на своих рабочих местах? Нет, непохоже, не выглядят они замученными. По крайней мере, не все.

В обеденном зале собрались мужчины и женщины всех рас и национальностей. Мужчин заметно больше, чем женщин, в дальнем космосе это обычное дело. Негр только один, не считая меня, желтокожих человек десять, остальные белые, тоже обычное дело, белая раса доминирует в космосе, у них врожденный талант к космическим профессиям. Стариков не видно, совсем молодых парней и девушек – тоже, возраст присутствующих варьируется примерно от двадцати до пятидесяти. Само собой разумеется, никаких детей – всем женщинам, отправляющимся на Мимир, делают стерилизацию, это входит в условия контракта.

Мужчины, как правило, в шортах и с голым торсом, на женщинах кроме шорт надеты блузки либо топики, с обнаженной грудью нет ни одной.

При моем появлении все разговоры смолкли, пятьдесят с лишним пар глаз уставились на меня, как на любопытную диковинку. Впрочем, почему как? Я для них и есть любопыт-

ная диковинка. Небось, самое главное событие за последнюю неделю, если не за месяц.

Откуда-то появился Рик, он осторожно взял меня за руку и провел к столику у дальней стены.

– Алекс Магнум, – представил он меня двум женщинам, сидящим за столом.

Я уселся за стол и через несколько секунд узнал, что смуглая худощавая тетенька лет сорока, сидящая рядом со мной, зовется Сара Лермонтова и является первым заместителем Мамы, а относительно симпатичная черноволосая девушка с карими глазами и стрижкой каре, расположившаяся по диагонали от меня – Светлана Мороз, из научников.

– У вас тут матриархат? – спросил я и сразу понял, что сморозил глупость.

Но слово не воробей, вылетит – не поймаетшь. На всякий случай я широко улыбнулся во все тридцать два зуба, и снова почувствовал, что выгляжу полным идиотом. И чего это я так разнервничался...

Женщины переглянулись и синхронно хихикнули.

– Нет, – сказала Светлана, – у нас не матриархат. Просто мы подруги Мамы, мы всегда с ней обедаем.

Краем глаза я уловил движение за спиной, обернулся и застыл на месте, разинув рот. Мимо меня прошествовала, именно прошествовала, а не прошла и тем более не проскакала, ослепительная белокурая красавица. Изящно опустилась на стул напротив меня, улыбнулась, протянула руку и

представилась:

– Мэри Джоан Блейк. Но все зовут меня просто Мама.

Я аккуратно пожал кончики пальцев протянутой руки. Рука была крупная для женщины, но с длинными ухоженными пальцами. Ногти были коротко подстрижены, но я готов поклясться, что она регулярно делает маникюр.

– Алекс Магнум, – представился я. – Очень приятно познакомиться.

– Взаимно, – кивнула Мама.

Она сняла крышку со своей тарелки, под крышкой обнаружился бифштекс с гарниром из вермишели. Мама взяла в левую руку вилку, в правую нож, и начала есть. Это стало сигналом для всех – столовая сразу наполнилась многоголосьем постукиванием открываемых тарелок и звоном вилок и ножей.

Кажется, понятие меню здесь не в ходу – и у меня, и у Сары, и у Светланы, и у людей за соседними столами – у всех на тарелках было по бифштексу. Впрочем, в дальнем космосе никто и не обещал роскоши и разнообразия.

Я отрезал ножом кусок мяса, подцепил вилкой и отправил в рот. Краем глаза я отметил, что Сара и Светлана вначале нарежали свои бифштексы на мелкие кусочки, а затем стали есть их только вилками, без помощи ножа. Ох уж эти русские традиции...

Мясо оказалось на удивление вкусным.

– Очень вкусно, – прокомментировал я. – Как будто нату-

ральное.

– Оно и есть натуральное, – заявила Светлана. – Синтетику у нас не едят.

– Но это... гм...

А с чего я взял, что мы должны есть дешевую пищу? Если подсчитать, сколько корпорация тратит на выплаты нашим родственникам, то нас вполне можно кормить не только натуральной говядиной, но и натуральными осетрами, хоть каждый день, и это все равно не отразится на цене обслуживания станции.

– А почему на гарнир макароны? – спросил я.

– Я их люблю, – ответила Мама. – А пищевая машина на станции только одна, альтернативных меню не предусмотрено.

Я глубокомысленно кивнул и сосредоточился на еде.

Женщины ели медленно, смакуя каждый кусок. Как я ни старался не торопиться, все равно получилось, что я управился с обедом быстрее всех. Допил сок (ананасовый, тоже натуральный), поискал взглядом салфетку, не нашел и вытер рот тыльной стороной руки, стараясь сделать это незаметно. Поймал взгляд Сары, смутился, увидел стакан с салфетками рядом со своим локтем и смутился еще больше. Был бы я белым – покраснел бы как вареный лобстер.

И вообще, я чувствовал себя очень неловко. Женщины делали вид, что не обращают на меня внимания, но я то и дело ловил на себе испытующие взгляды. Ерунда, конечно,

пусть смотрят, куда хотят, но, с другой стороны, неудобно как-то...

Наконец, Мама доела, вытерла рот салфеткой и сказала:

– Пойдем, Алекс, побеседуем. Пора тебя ввести в курс дела.

Она встала из-за стола и я тоже вскочил, удивляясь собственной поспешности. Мама взяла меня за руку и сказала:

– Пойдем.

И куда-то меня повела.

7

Едва мы вышли из столовой, как в глаза сразу бросилась табличка на двери, гласившая «Мэриам Джоан Блейк». Рядом с табличкой был нарисован обаятельный зверек, то ли бобер, то ли бурундук в симпатичной зеленой кепочке. Совершенно непонятно, улыбается он или задумчив... Присмотревшись внимательнее, я понял, что мордочка зверька не прорисована – тот, кто глядит на картинку, волен вообразить себе любое выражение на его лице.

– Нравится? – спросила Мама.

Я молча кивнул. И в этот момент дверь открылась.

Я ожидал, что комната Мама будет больше и роскошнее, чем моя, но она оказалась точно такой же. Те же примерно десять кубометров пространства, та же кровать со встроенной виртуалкой, тот же люк унитаза в углу. Видимо, роскошь

на станции не предусмотрена даже для начальства.

– Садись, – сказала Мама и указала взглядом на кровать.

Я осторожно уселся в ногах кровати и стал наблюдать, как Мама ткнула пальцем в какую-то кнопку у изголовья, в стене открылся маленький лючок, Мама запустила туда руку, немного пошарила и извлекла из стенного шкафчика початую бутылку дешевого красного вина.

– Надо выпить за твое прибытие, – сказала она. – Это традиция.

Она вытащила из того же шкафчика два высоких стеклянных стакана, расписанных желтыми и синими цветами, один дала мне, другой взяла себе. Сполоснуть их она даже не подумала. Впрочем, стаканы и не выглядели грязными.

Я смотрел на то, как она выдергивает из бутылки пробку и разливает вино, и пытался понять, что же в Маме не так. А в ней что-то было явно не так, было в ней какое-то внутреннее противоречие, неуловимое, но явственное, как ни парадоксально это звучит. Нет, пожалуй, она вся соткана из противоречий.

Не молодая, но и не старая, лет тридцать пять – сорок. Идеальные очертания фигуры и ненормально крупные кисти рук, да и ступни тоже крупноваты для женщины. Высокая и упругая на вид грудь, но сквозь тонкую блузку угадываются миниатюрные соски-прыщики. Лицо вроде бы соразмерно, но нос длинноват, а челюсти тяжеловаты. Ведет себя просто и доброжелательно, но чувствуется в ней какая-то невы-

сказанная властность, неявная, не нуждающаяся в подтверждениях. Ты просто принимаешь по умолчанию, что она выше, старше и главнее. И почему-то даже мысли не возникает, чтобы заняться с ней сексом, несмотря на то, что она очень красива, даже со всеми своими несоответствиями. Или это пониженная гравитация так действует на меня? Да еще волнения, стресс...

– За нового сетлера, – подняла тост Мама.

Мы чокнулись и выпили. Вино было именно таким, как предупреждала этикетка – дешевая синтетика, по сути, разбавленный спирт с ароматизаторами, алкогольная версия «кока-колы», только без газа и с винным ароматом. Я непроизвольно поморщился.

– А мне нравится, – сказала Мама. – Никому не нравится, а мне нравится. Даже больше, чем коллекционные вина прошлого века.

Я пожал плечами и ничего не сказал. А что тут скажешь?

– За что сидишь? – спросила вдруг Мама.

– Ни за что, – ответил я. – Я завербовался добровольно.

Мама испытующе посмотрела мне в глаза и скривила рот в неприятной усмешке.

– Не надо меня обманывать, – сказала она. – Ты пока еще не понял, но скоро поймешь – мы здесь живем в одном большом гадюшнике. Здесь даже теснее, чем в тюрьме, здесь каждый у всех на виду, скрыть нельзя решительно ничего, лучше даже не пытаться. Рано или поздно все всё все равно узнают,

только о тебе сложится мнение, что ты заносчивый придурок, а от такой репутации будет трудно избавиться. Лучше не прятаться от товарищей, а открыться. Тут у нас все преступники, ты несколько не хуже других, тебе нечего скрывать. Хочешь, расскажу, за что я попала сюда?

Рик уже говорил об этом, кажется... да, точно, она сбила ребенка флаером. Нет уж, спасибо, об этом я слушать не хочу.

– Не надо, – сказал я. Вспомнил слова Рика и добавил: – Извини. Наверное, ты права, глупо что-то скрывать. Хорошо, я признаюсь. Я смотрел порнуху.

Мама наморщила лоб, на секунду задумалась, а потом вдруг просветлела лицом и спросила:

– Педофилия или снафф?

– Чего? – переспросил я. – Снафф – это что такое?

– Крайняя форма садизма, – объяснила Мама. – Когда человека долго насилуют и пытаются, а в конце убивают.

Меня аж передернуло.

– Нет, – сказал я, – снафф я не смотрел.

Мама удивленно вздернула брови.

– Зоофилия? – спросила она.

Я раздраженно помотал головой.

– Обычная порнуха. Только с натуральными актерами.

– Ну и что? – спросила Мама. – Ты согласился сюда отправиться только из-за этого? Это же вообще не уголовное преступление.

Я немного помолчал, не зная, как ей объяснить, что я чувствовал, когда узнал, в чем меня обвиняют и что мне грозит.

– Ты права, это не преступление, – наконец сказал я. – Но меня вышибли из аспирантуры, я должен был покинуть кампус, вернуться в Бронкс... Ты вряд ли поймешь, что это значило для меня. Моя мать всю жизнь жила на пособие, моя бабушка всю жизнь жила на пособие...

Внезапно комнату тряхнуло. Если бы в моем стакане было вино, оно бы обязательно расплескалось и запачкало белоснежные простыни Маминой кровати.

Мама озабоченно взглянула на часы.

– Поздновато, – сказала она. – Обычно подземные толчки приходят сразу после волны. – Она пожала плечами. – Продолжай, я тебя слушаю.

– А что тут продолжать? Черный парень из низов вдруг узнал, что он чуть ли не гений. Случайно попался хороший учитель в государственной школе, чудо, конечно, но и такие чудеса иногда случаются. Закончил школу с отличием, получил стипендию в Йеле, закончил его, правда, не с отличием, но все-таки закончил. Получил стипендию в аспирантуре, стал писать диссертацию, отказался от семи выгодных предложений, потому что рассчитывал, что восьмое будет еще более выгодным... И вдруг – бабах! Административное правонарушение первой степени, черный список на три года.

– И ты решил, что жизнь кончена, – продолжила Мама. –

Что свой шанс ты упустил, а второго шанса уже не будет. Ты решил, что раз нельзя проехаться на удаче верхом, то надо попробовать хотя бы ухватить ее за хвост. Завербовался в дальний космос и теперь думаешь, что утер нос полиции и принял единственно правильное решение. Так?

Я пожал плечами.

– Мне показалось, что ты думаешь иначе, – сказал я. – И Рик тоже.

– Здесь почти все думают иначе, – заявила Мама. – А я по этому поводу вообще ничего не думаю. Какая разница, прав ты или не прав? Обратной дороги все равно уже нет.

– Это точно, – кивнул я.

– Рик показал тебе комнату? – спросила Мама.

Я снова кивнул.

– Замечательно, – сказала Мама. – Первое время будешь работать дежурным по канату.

– По чему?

– По канату. Кабель Один-Мимир у нас называют канатом. Работа скучная, но с нее начинают все. Хорошо себя зарекомендуешь – переведем в другое место. Работать будешь сутки через трое, твоя смена начинается завтра в десять утра, сразу после завтрака. В смене два человека, напарником у тебя будет Йоши Йошида. Хороший парень, вы работаетесь, – Мама вдруг загадочно улыбнулась. – Сходи к дежурному по жилью, он тебе объяснит, как у нас все устроено и как надо себя вести. Вопросы есть?

Я отрицательно помотал головой.

– Тогда все, – сказала Мама. – Желаю успехов. Надеюсь, тебе у нас понравится.

Когда я уже выходил из комнаты, она вдруг добавила:
– Все равно выбора у тебя нет.

8

Я вышел в коридор и сообразил, что забыл спросить у Мама, как пройти к дежурному по жилью. Возвращаться не хотелось, она и так считает меня придурком, это ясно чувствовалось по разговору, а теперь она будет считать меня рассеянным придурком. Лучше попробовать самому найти нужное место, чем дергать начальство по пустякам.

Дверь столовой была закрыта. Я встал напротив нее, постоял полминуты, но она так и не открылась. В коридоре никого не было. Куда идти, кого искать?

Надо было все-таки вернуться и спросить Маму, где сидит дежурный по жилью. Только делать это надо было сразу, а теперь уже поздно, теперь она подумает, что я не просто рассеянный придурок, но еще и тормоз. Придется пройтись по коридорам, не может быть такого, чтобы я обошел всю станцию и вообще никого не встретил.

Я направился в жилую зону. В пять длинных прыжков добрался до шеста, лезть по нему не стал, а просто запрыгнул на верхний этаж. Точнее, не совсем запрыгнул – ухватился

руками за край люка, подтянулся, перевалился через край и оказался на пятом уровне.

Вот моя комната, через стенку обитает какая-то Сюзанна Остхофф, а немного подальше... гм... Йоши Йошида. Заглянуть, что ли, к будущему напарнику? Повод есть.

Я решительно направился к двери с нарисованным на табличке радостным широкоглазым человечком и встал напротив нее. Она открылась.

– Заходи, – донесся изнутри негромкий и слегка хриловатый мужской бас.

Я вошел внутрь, дверь за спиной автоматически захлопнулась.

Йоши Йошида валялся на кровати и смотрел телевизор. По телевизору показывали фильм – очередную дурацкую комедию про студентов. Если бы в Йеле реально были такие студентки...

– Садись, – сказал Йоши, подобрал ноги и принял сидячее положение у изголовья кровати. – Мы с тобой будем в смене работать.

– Знаю, – кивнул я и замолчал, не зная, что сказать.

Сразу спрашивать дорогу к дежурному показалось неприличным. Сначала надо поговорить с новым коллегой, продемонстрировать уважение...

Йоши был совсем не похож на анимешного паренька, нарисованного на дверной табличке, да и на японца-то не очень похож. Японцы обычно маленькие и сухощавые, а Йоши

большой и толстый, килограммов, наверное, сто – сто двадцать. Впрочем, видел я однажды по телевизору передачу про национальную японскую борьбу, там борцы были такие же, как Йоши, даже побольше.

– Мама вином поила? – спросил Йоши.

– Поила, – кивнул я.

– Алкоголь нормально переносишь?

– Вроде да.

– Тогда давай еще выпьем.

С этими словами Йоши полез в стенной шкафчик. Похоже, все жилые комнаты станции абсолютно одинаковы, надо бы и мне заглянуть в свой шкафчик. Может, найдется еще какое-нибудь послание...

Из шкафчика заметно потянуло холодом, очевидно, его можно использовать как холодильник. Интересно, что Йоши там хранит? Неужели пиво?

Йоши вытащил из холодильника пол-литровую бутылку русской водки, судя по этикетке, натуральной и безумно дорогой. И еще банку соленых огурцов на закуску, тоже натуральных, с голограммой на этикетке.

– Будешь? – спросил он.

Я замялся. С одной стороны, водку я обычно не пью, вкус у нее неприятный до тошноты, но отказываться как-то неудобно... Может, дорогая водка будет вкуснее, чем дешевая?

– Чуть-чуть, – сказал я. И неожиданно для самого себя

спросил: – А пива у тебя нет?

– Нет, – покачал головой Йоши. – Слишком объемное, много места в посылке занимает. Лучше водка, она компактнее.

Произнося эти слова, Йоши вскрыл банку с огурцами, установил ее на кровати между нами, разлил водку по двум ритуальным пятидесятиграммовым стаканчикам, один вручил мне, оглядел получившуюся картину придирчивым взглядом и торжественно провозгласил:

– За встречу.

Мы чокнулись, я влил в себя водку одним глотком, как положено, и чуть не поперхнулся. Зря я думал, что дорогая водка вкуснее, чем обычная.

– Заешь, – посоветовал Йоши и протянул мне огурец.

Я заел. Вкус у огурца был необычный, наверное, натуральные огурцы, в отличие от водки, отличаются по вкусу от синтезированных аналогов.

Йоши разлил по второй и продекламировал:

– Между первой и второй промежуток небольшой.

Я протестующе замахал руками, но вспомнил, что мои протесты являются частью водочной церемонии, и сдался.

– По последней, – сказал я.

Йоши помотал головой:

– Не годится. Надо выпить за здоровье, за родителей, за тех, кого с нами нет, и за то, чтобы все было хорошо.

Я посчитал в уме и печально констатировал:

– Двести пятьдесят грамм... Не осилю.

Йоши подозрительно посмотрел на меня.

– А по виду осилишь, – сказал он. – Погоди... ты из Африки?

– Нет, из Америки. А что?

– Если из Америки – тогда точно осилишь. Поехали, за здоровье.

Вторая порция водки проскочила в горло заметно легче. Я вспомнил, что кто-то мне говорил, что если пить водку долго и много, то в конце она пьется как вода, ты теряешь чувство меры, начинаешь вести себя неадекватно, а наутро страдаешь от похмелья и стыда за вчерашнее. Нет, этот процесс надо прекращать, пока он в запой не превратился.

– Я, собственно, по делу к тебе зашел, – сказал я. – Мама меня отправила к дежурному по жилью, а я забыл у нее спросить, как до него добраться.

Йоши вдруг подавился огурцом и закашлялся.

– А что не вернулся? – спросил он, прокашлявшись.

– Ну... неудобно как-то...

– Неудобно веер в заднице раскрывать, – заявил Йоши. – Дежурный по жилью сидит на девятом уровне, в юго-восточном секторе, дверь там всего одна, не ошибешься. Надо было сразу сказать, я бы не стал тебя водкой поить. Я-то думал, ты там уже побывал... Иди быстрее и долго не задерживайся, сразу возвращайся, поговорить надо срочно. Расскажу тебе, что тут к чему. Кроме меня, тебе никто всей правды не рас-

скажет.

Я поставил пустой стаканчик рядом с банкой огурцов, встал и замер в нерешительности. Что лучше – просто встать и уйти или надо что-то сказать на прощанье? Я ведь не собираюсь сюда возвращаться, по крайней мере сегодня – не надо быть крутым психологом, чтобы догадаться, что Йоши настроился на серьезную попойку. А ведь он еще и гей... Ой-ёй-ёй... Или все-таки вернуться? Может, действительно, всей правды никто, кроме него, мне не расскажет?

– Что встал? – грубовато, но добродушно рявкнул Йоши. – Давай, беги в дежурку, одна нога здесь, другая там. А потом обратно. Понял?

Я неопределенно кивнул и направился к двери. Йоши сделал неловкое движение и вскользь задел мою ягодицу. Или это было как раз ловкое движение?... Нет, сегодня я точно сюда не вернусь. Если он сейчас такой несдержанный, то что же с ним будет после пятого стаканчика...

9

Пост дежурного по жилью соответствовал по объему примерно двум жилым комнатам. Кровати тут не было, а были два офисных стола с креслами и трехмерные голографические мониторы над столами. Один монитор работал в плоском режиме и показывал какую-то числовую таблицу, а что показывал второй монитор, я не видел, потому что вокруг

него собралась целая толпа. То есть, не толпа, а всего пять человек, но в таком тесном помещении даже пять человек образуют толпу. Рик, Сара Лермонтова... гм... Мама... и еще два незнакомых мне мужика. Кажется, их даже в столовой не было.

При моем появлении разговоры смолкли, все пять пар глаз уставились на меня, я встретился взглядом с Мамой и в очередной раз почувствовал себя полнейшим идиотом.

– Я... – выдавил я из себя. – Я к дежурному по жилью пришел... Как ты говорила...

Мама посмотрела на часы, на меня, на секунду наморщила лоб, что-то обдумала, приняла решение, посмотрела на Рика и сказала:

– Рик, проинструктируй человека. Но только не здесь, идите лучше в его комнату и поговорите по душам, только много не пейте.

Она вдруг втянула воздух носом и вопросительно взглянула на меня.

– Я к Йоши зашел... – промямлил я. – Хотел дорогу спросить.

Один из мужиков (здоровенный амбал лет сорока, похожий на длинноволосого викинга в шортах) ткнул в бок другого (обыкновенный интеллигентный мужичок, тоже лет сорока, с брюшком и залысинами) и многозначительно хихикнул. Тот хихикнул в ответ и подмигнул.

– Я действительно хотел спросить дорогу! – воскликнул

я. – Что вы так на меня все уставились? Я не гей, я нормальный гетеросексуал, я за всю жизнь вообще ни разу с мужиком не переспал! Почему вы все думаете, что я собираюсь жить с Йоши? Улыбаетесь, подмигиваете...

Мужчина, похожий на викинга, вдруг высоко подпрыгнул прямо с места, перелетел через стол и приземлился рядом со мной. Моя первая мысль была иррациональной и глупой – будут бить. Я испуганно отдернулся и лишь потом сообразил, что при низкой гравитации такое движение абсолютно естественно. Перепрыгнуть через стол гораздо проще, чем запрыгнуть на второй этаж без разбега, и тем более проще, чем обходить стол вокруг.

– Посмотри-ка мне в глаза, – сказал мужик. – Не бойся, не съем.

Несколько секунд мы играли в гляделки, а затем лицо мужика помрачнело.

– Что такое, Эберхарт? – спросила Мама.

Викингоподобный мужик поморщился и сказал:

– Я точно не уверен, но...

– А ты и не можешь быть уверен, – сказала Мама. – Ты не врач. Отведи-ка его к Маше Грибоедовой, пусть она проверит на приборах. А если окажется, что ты не ошибся – сам знаешь, что делать. Йоши уже предупреждали.

Эберхарт недовольно нахмурился.

– Нечего тут сомневаться, – заявила Мама. – Сара! По-твоему, я ошибаюсь?

Сара отрицательно помотала головой.

– Давай лучше я его провожу, – предложила она. – Если ты не ошибаешься... – Сара вдруг загадочно улыбнулась.

Мама тоже улыбнулась и даже хихикнула.

– Давай, – сказала она. – Если подтвердится, свистни Эберхарта и... Юити, наверное.

Сара удивленно вскинула брови.

– Думаешь, Эберхарт с Сашей вдвоем не справятся? – спросила она.

Мама пожала плечами.

– Третий по любому не помешает, – сказала она. – Возьми Юити, он лишним не будет. Если, конечно, все подтвердится.

Сара вздохнула:

– Боюсь, оно подтвердится.

Мама тоже вздохнула.

– Я тоже боюсь, – сказала она. – И не только из-за этого.

– Может, не стоит? – подал голос второй мужик. – Все равно теперь уже...

– Стоит, Слава, – возразила Мама. – И как раз теперь не все равно. Если мы хотим пережить все это, мы должны вести себя как обычно. Мы не можем позволить себе прощать преступления, особенно теперь. Ты со мной не согласен?

Слава пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Надо подумать...

– Вот и подумай. Сара, уведи этого. Нам надо делом зани-

маться, и так уже столько времени потеряли...

– В данном случае время не имеет особого значения, – заметил Эберхарт. – Сибалк Прайд только начал заправляться, отчалит он послезавтра к вечеру...

– Кто начал заправляться? – переспросил я.

Эберхарт брезгливо посмотрел на меня, скривился и ничего не ответил. Сара взяла меня за локоть и потащила за собой.

– Пошли, любитель острых ощущений, – сказала она.

– Кто любитель? – не понял я.

Слава коротко хохотнул, Мама поджала губы и покачала головой, печально и немного брезгливо. Сара вдруг сильно дернула меня за руку, я пошатнулся и с трудом сохранил равновесие. А в следующую секунду подземный толчок снова чуть не сшиб меня с ног.

– Торкнуло, – сказал вдруг Слава. – Может, не стоит далеко ходить?

– Стоит, – возразила Мама. – Дело серьезное, надо соблюсти все формальности.

– Формальности... – протянул Слава. – Может, мне помочь Саре?

– Справится, – отрезала Мама.

– Решил ориентацию поменять? – спросил Эберхарт.

– Да ладно тебе, хватит уже, – сказала Мама. – Сара, забирай его отсюда, нам работать надо.

Подземные толчки не прекращались. Они слились в мо-

нотонную вибрацию, которая проникала в мой мозг, вступала в резонанс с чем-то внутренним и, странное дело, это было потрясающе, непередаваемо приятно. Я стоял, опершись на плечо Сары, мое тело тряслось в такт Мимиру, я наблюдал, как лампы под потолком медленно гаснут, и почему-то мне казалось, что все в порядке и ничего особенного не происходит. Вскоре свет погас окончательно.

10

Я проснулся от адской головной боли. Голова буквально раскалывалась, во рту пересохло, собственное тело казалось очень горячим и каким-то неживым и, в довершении всего, сильно болели гениталии. Я открыл глаза, повернул голову и она взорвалась изнутри. Я вздрогнул и сдавленно застонал.

– Выпей, – раздался над ухом смутно знакомый женский голос.

Я медленно и осторожно повернул голову еще дальше и обнаружил в поле зрения стакан с какой-то прозрачной жидкостью, а также тонкую и слегка морщинистую женскую руку, держащую этот стакан.

– Что это? – спросил я.

– Универсальный антидот, – ответила женщина. – Минут через пятнадцать станет лучше.

Еще пятнадцать минут этого кошмара... проще удавиться...

Наверное, на моем лице отразилось все, что я испытывал, потому что женщина сказала:

– Ты не рожи корчи, а пей давай. Прыжок пережил, значит, и это переживешь.

Прыжок? В памяти вдруг всплыли все события сегодняшнего (или уже вчерашнего?) дня. Прыжок, приземление, станция на Мимире, Рик, Мама, Йоши... а что потом было?

– Пей, – повторила женщина в очередной раз.

Я выпил. По вкусу и консистенции жидкость ничем не отличалась от воды. Может, это и есть вода? Ну хоть жажду утолю...

Когда я запрокинул голову, допивая последние капли, в поле зрения появилась голова женщины и я сразу вспомнил, как ее зовут. Сара Лермонтова, первая заместительница начальницы базы по прозвищу Мама.

– Узнал? – спросила Сара и почему-то ласково улыбнулась.

Я осторожно опустил голову на подушку и закрыл глаза.

– Узнал, – подтвердил я. – Тебя зовут Сара Лермонтова. Как к тебе положено обращаться – госпожа Лермонтова?

– Можно просто Сара, – сказала Сара и я почувствовал по ее интонации, что она улыбается. – Полежи пока спокойно, а когда придешь в себя, тогда и поговорим.

Через несколько минут я понял, что могу шевелить головой, не испытывая особых мучений. А еще через минуту я отважился повернуться на бок и приподняться, опершись на

локоть. Пульсирующий сгусток боли внутри черепа на это движение не отреагировал. Да и вообще он заметно ослаб.

– Очухался, – констатировала Сара. – Как дела?

– Да вроде ничего, – ответил я. – Голова проходит постепенно. Сколько сейчас времени?

– Половина одиннадцатого.

– Утра или вечера?

– Утра.

Я попытался сесть и со второй попытки мне это удалось.

– Куда торопишься? – спросила Сара.

Мне показалось, что в ее интонации прозвучало что-то издевательское.

– У меня смена началась полчаса назад, – пояснил я. – Нехорошо опаздывать, особенно в первый раз.

– Твоя смена не началась, – заявила Сара. – И вряд ли начнется в ближайшем будущем. А если бы началась, ты бы не опоздал, опоздать на смену очень трудно, будильник автоматически включается центральным компьютером, захочешь проспать – все равно не проспишь.

– Почему смена не начнется? – не понял я. – Это из-за того, что случилось вчера?

Сара кивнула. Я ожидал объяснений, но их не последовало. Сара смотрела на меня, как биолог-естествоиспытатель на подопытную лягушку, и ждала следующего вопроса.

– А что случилось вчера? – спросил я.

– Много чего случилось, – ответила Сара. – Во-первых, то

ли в террикон над шахтой угодил метеорит, то ли у роботов на стоянке повзрывались энергоблоки. А может, и то, и другое вместе. В результате все антенны разрушены, лифты забиты ледяными пробками, связи с внешним миром нет никакой, даже с причалом связи нет.

– Канат порвался? – спросил я.

– Нет, – помотала головой Сара, – канат цел. Энергия от Одина идет, все цепи работают, они просто не управляются. Сибалк Прайд продолжает заправляться, завтра вечером отвалит к Земле. Если нам повезет, он передаст сообщение, что наблюдал вспышку на поверхности, что со станцией оборвалась связь и что ему не передали заказ на новую посылку.

– А если не повезет?

– Тогда не передаст, – пожала плечами Сара. – Или передаст, но оператор проигнорирует сообщение. Или оператор передаст сообщение куда надо, а большие боссы посоветуются и решат, что станцию выгоднее закрыть, чем спасать.

– Как это закрыть? – не понял я. – А кто будет управлять паутиной?

Сара печально улыбнулась.

– Никто не будет, – сказала она. – Ей, собственно, никто и не управляет, за последние четыре года операторы ни разу не вмешивались в ее работу. Со всеми проблемами справляются роботы. Между нами говоря, станцию уже давно пора закрывать. Проблема только в том, куда девать сетлеров. Да и... – она вдруг осеклась, – впрочем, тебя это не касается.

Я обхватил голову руками и некоторое время неподвижно сидел, переваривая информацию. Значит, сетлеры ничем не управляют, все вахты и смены – просто синекура, чтобы занять персонал станции видимостью работы, чтобы люди не походили с ума от вынужденного безделья. Стоп! А зачем тогда меня сюда направили?

Я задал этот вопрос вслух и услышал в ответ следующее.

– За пять дней до твоего появления на станции погиб человек, – сказала Сара. – Лэн Генгар разблокировал шлюз, надел скафандр, поднялся на поверхность и больше не вернулся. Крыша у человека поехала, у нас такое случается иногда. Со смертью Лэна образовалась вакансия, ее надо было срочно заполнить, потому что иначе будет непорядок, бюрократы из корпорации к этим вопросам подходят очень серьезно. А почему направили именно тебя – это уже совсем другой вопрос. Ты как себя чувствуешь?

– Вроде нормально, – сказал я. – Голова почти прошла. А что со мной было? – меня вдруг осенило. – Вино было некачественное?

– Вино-то было качественное, – вздохнула Сара. – А вот огурцы у Йоши были с дэйтдрагом.

Мне показалось, что я ослышался.

– С чем? – переспросил я. – С дэйтдрагом? Разве он существует? Это не легенда?

– Не легенда, к сожалению. Дэйтдраг реально существует и вполне оправдывает свое название. Ты что-нибудь пом-

нишь?

Я попытался вспомнить, что вчера случилось после того, как... А после чего, собственно? Кажется, я дошел-таки до дежурного по жилью, а потом...

– Не помнишь, – констатировала Сара. – Жаль. Мы с тобой замечательно покувыркались, я и не знала, что такое бывает вне виртуалки.

– Мы с тобой? – глупо переспросил я.

– А что было с тобой делать? – улыбнулась Сара. – Не оставлять же тебя одного в таком состоянии. Не каждый день такой подарок попадается.

Кажется, я понял, отчего у меня болят гениталии.

– И как это было? – спросил я. – Сколько раз?

Сара рассмеялась.

– Вечно вы, мужики, все на разы переводите, – сказала она. – Это было незабываемо. А сколько раз – я не считала.

Произнеся эти слова, она наклонилась надо мной и поцеловала в губы. Ее губы были сухими и шершавыми, от ее тела исходил неприятный запах, не то чтобы старушечий, но... Я непроизвольно поежился.

– Отходняк пошел, – сообщила Сара. – Не бойся, дня через три отойдешь, будешь как новенький. Как очухаешься, продолжим, если ты не против будешь.

Я попытался состроить на лице непроницаемую гримасу, чтобы ничем не показать того отвращения, которое вдруг стала вызывать у меня эта женщина. Сара понимающе усмех-

нулась и отодвинулась от меня, исчезнув из поля зрения.

– Расслабься, – сказала она. – Лучше пока об этом вообще не думай. Пока отходняк не прошел, тебя к женщинам тянуть не будет. Да и к мужчинам тоже, – она вдруг хихикнула и спросила: – А ты точно не гей?

– Точно, – ответил я. – А с чего ты взяла?

– В твоём досье было написано, что ты смотрел порнофильмы про геев, – сказала Сара. – Это неправда?

Я почувствовал, как кровь приливает к щекам и ушам. Был бы я белым – покраснел бы как помидор.

– Да нет, правда, – сказал я. – Но я такими вещами не занимаюсь, я просто посмотрел один раз, любопытно было...

– Жаль, – сказала Сара. – А мы так на тебя рассчитывали... Бедный Йоши.

– Если бы я знал... – начал я, но Сара меня перебила:

– Нечего себя винить. Если бы Йоши не был таким дураком, у него бы не снесло крышу, он не стал бы поить тебя наркотой и был бы все еще жив.

– А что с ним случилось? – спросил я. – Задело той аварией? Полез наверх...

Сара рассмеялась, совсем не весело и немного злобно.

– Он не полез наверх, – сказала она. – Это технически сложно и абсолютно не нужно, а теперь вообще невозможно. Не задело его никакой аварией, его казнили.

– Как казнили? – не понял я.

– Как-как... Сонный газ в вентиляцию... хочешь подроб-

ности узнать?

Я вяло помотал головой из стороны в сторону.

– Нет, спасибо, – сказал я. – И так может быть с каждым?

– С каждым, – подтвердила Сара. – Если человек не понимает нормальных слов, с ним приходится разговаривать на другом языке. Пойми, Алекс, если мы не хотим насмерть переругаться, мы должны быть одной большой семьей. В такой тесноте, как у нас, других вариантов быть не может. Если человек все время провоцирует конфликты, а на предупреждения не реагирует, его приходится удалять из коллектива. Если бы можно было убрать Йоши не в холодильник, а на Землю, это давно бы уже сделали. Но отсюда одна дорога – в холодильник, другой нет.

– А как же... этот...

– Генгар? Уверяю тебя, Алекс, умирать от удушья, когда в скафандре кончается кислород, еще более неприятно. Если у тебя снесет крышу, лучше сразу признавайся, самому легче будет.

В потолке комнаты что-то зашипело и через мгновение оттуда донесся голос Мамы:

– Сара, зайди ко мне, пожалуйста, тут кое-что новое появилось.

– Иду! – крикнула Сара, глядя в потолок.

Шипение прекратилось.

– Можешь пока здесь полежать, – сказала Сара, обращаясь ко мне, – а когда совсем очухаешься, иди в свою комна-

ту. Поставь будильник, чтобы обед не проспять. За обедом увидимся.

Я проводил взглядом тонкую и костлявую фигурку Сары и уставился в потолок. Мысли путались, цеплялись одна за другую и в их хороводе я никак не мог выделить ничего определенного, как будто я напряженно размышлял обо всем на свете, но не понимал ничего из того, над чем размышляю. Не иначе, последствия наркотика.

Я лег, повернулся на бок, подложил ладонь под голову и заснул. Последняя мысль была о том, что перед обедом надо будет побриться.

11

Сара растолкала меня уже под вечер. То есть, это она сказала, что наступил вечер, сам-то я давно уже потерял чувство времени.

– Сходи, поужинай хотя бы, – посоветовала Сара. – А то со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было.

Я сел на кровати, потряс головой, приходя в себя, и понял две вещи. Во-первых, я чувствую себя почти нормально (легкое головокружение от непривычной гравитации не в счет), а во-вторых, я зверски голоден.

– Спасибо, – сказал я. – Ты очень любезна.

– Издеваешься? – нахмурилась Сара.

– Нет-нет! Я на полном серьезе, ты действительно очень

любезна...

Сара странно посмотрела на меня, немного помолчала и сказала:

– Пошли, а то все вкусное съедят.

– Если кто-то не приходит, его порцию съедают другие? – удивился я.

– Обычно нет, – ответила Сара. – Но еды на станции осталось на двадцать девять дней. Дней через десять начнем урезать рацион.

– Урезать рацион? – тупо переспросил я.

Только теперь до меня начало доходить, в какую передрагу я вляпался. Через десять дней урежут рацион, потом урежут еще раз, потом еды не останется вообще, люди начнут жрать друг друга...

Я озвучил эту мысль и Сара согласно кивнула головой.

– Через полтора месяца перейдем на покойников, – подтвердила она. – У нас в холодильнике кладбище на третьем уровне. Мертвецы на морозе не разлагаются, только обезживаются постепенно. Бифштексы из них вряд ли получатся, а вот бастурму или, скажем, студень сделать можно вполне.

Меня аж перекосило. Обычно я спокойно отношусь к циничному юмору, сам люблю так шутить, но должны же быть какие-то пределы!

Сара посмотрела на меня и засмеялась.

– Привыкай, – сказала она. – Такая уж у нас жизнь, поневоле циником становишься. Пойдем ужинать.

В столовой я направился было к столу Мамы, но Сара взяла меня за локоть и сказала:

– Твое место не там. Твое место... да хотя бы вот здесь. Пойдем.

Сара подвела меня к столу, за которым сидели три мрачных пожилых мужика лет по пятьдесят-шестьдесят.

– Генрих Кобрак, Пол Мартин, Иоганн Бартельс, – представила их Сара. – А это Алекс Магнум.

Я кивнул, уселся на стул и обнаружил, что тарелки передо мной нет.

– Чего ждешь? – спросил полноватый и, похоже, очень самоуверенный мужик с волосатым брюхом и заметными залысинами на голове. – Жратва к тебе сама не придет. Хочешь жрать – не ленись к раздаче сходить.

– Не бесись, Пол, – прервал его сухонький седовласый старичок с козлиной профессорской бородкой. – Пойдем, Алекс, покажу тебе, как это делается.

Мы прошли в дальний конец столовой, где размещалась кухонная машина. Технология получения пищи оказалась очень простой – засунуть тарелку в машину, нажать кнопку, дожждаться, когда загорится зеленая лампочка, забрать полную тарелку и идти обратно к столу. Пожалуй, я бы и сам разобрался.

– Ты на Пола не сердись, – сказал профессор, когда мы шли обратно. – Он и так нервный, а со вчерашнего дня вообще с катушек съехал. И еще он голубых очень не любит.

– Я не голубой, – заявил я. – Один раз в жизни случайно скачал голубую порнуху, копы написали в моем досье, что я голубой, а теперь приходится всем доказывать, что я не верблюд. Как меня это достало...

Профессор хихикнул.

– Алекс, скажи всем, – потребовал он, когда мы вернулись к столу.

– Я не голубой, – послушно сказал я.

– Вот видишь, Пол! – воскликнул профессор. – Никогда нельзя торопиться с выводами.

– А мне наплевать, – буркнул Пол.

– Честно говоря, мне тоже, – подал голос третий мужчина, очень тощий, бритоголовый и с маленькой бородкой без усов, как будто к подбородку присохла какая-то гадость. – Никогда не понимал ни голубых, ни гомофобов.

– Правильно, Генрих, – кивнул профессор. – А теперь попробуй объяснить это Полу.

Значит, тощий – это Генрих, а профессор – стало быть, Иоганн. Вот я и разобрался, как кого зовут. А то Сара перечислила их имена такой скороговоркой...

– Что-то Мэри задерживается, – заметил Иоганн. – Но это неудивительно. Алекс, ты в курсе, что у нас произошло, пока ты дрых?

– Более-менее, – ответил я. – Рядом с лифтовой шахтой упал метеорит...

– Это одна из версий, причем не самая правдоподобная. В

этой звездной системе нет пояса астероидов, а следовательно, и метеоритов почти нет. Я покопался в справочниках, метеорит такого размера ударяет в Мимир раз в сто – сто пятьдесят лет, а вероятность того, что он попадет в заданную точку...

– Математик хренов, – прокомментировал его слова Пол.

– Да, математик, – кивнул Иоганн. – Генрих, кстати, программист, а Пол раньше был мэром в небольшом городке в Канаде. Я сижу за разжигание классовой розни, Генрих был наркоманом, Пол проворовался.

Он замолчал, явно ожидая, что я начну рассказывать о себе. Я вспомнил слова Мамы, вздохнул и сказал:

– Я учился в аспирантуре Йеля, прикладная социология.

Пол протяжно присвистнул.

– Ох, не завидую я тебе, – сказал он.

– Почему? – спросил я. – Что такого в моей специальности?

Пол пожал плечами и ничего не ответил. Ответил Иоганн.

– Тебя учили управлять большим коллективом, – сказал он. – Сам подумай, куда тебя надо назначать, исходя из здравого смысла.

– Исходя из здравого смысла, меня надо назначить на какую-нибудь незначительную должность, например, дежурным по канату. Приглядеться, что я собой представляю, дать время притереться к коллективу...

– Это понятно, – кивнул Иоганн. – А потом?

– Потом... гм...

– Вот именно. Потом тебя нужно назначить на место Са-
ры, а в перспективе – и на место Мэри. Вряд ли ты хуже
справишься с обязанностями главы колонии, чем две старые
шлюхи.

Странно было слышать такие слова от такого благообраз-
ного старичка.

– Ты на Мэри не наезжай, – подал голос Генрих. – Она
неплохо справляется.

– Я и не наезжаю, – сказал Иоганн. – Я это слово ирони-
чески употребил. Алекс, знаешь, кем Мэри была на Земле?

– Неужто проституткой? – удивился я.

Пол скорчил презрительную гримасу и многозначительно
хмыкнул.

– А ты рожи не корчь, – посоветовал ему Иоганн. – Алекс
все правильно понял, ну, почти правильно. Мэри была гей-
шей.

– О как... – пробормотал я.

Сразу все стало понятно. Ее непонятная красота, которую
не портят ни непропорционально большие кисти и ступни,
ни неправильные черты лица, ни уродливые соски. Гейша на
то и гейша, чтобы быть прекрасной вне зависимости от того,
чем ее одарила природа. И то, как она строила разговор, как
она всегда понимала, что я думаю и чувствую...

– Из гейш получаются хорошие менеджеры, – продолжал
Иоганн. – Но самые лучшие менеджеры – профессиональ-

ные. Если бы не вчерашнее, даже не знаю, что бы с тобой случилось. Скорее всего, отправился бы в холодильник из-за пустяковой ошибки или несчастного случая.

– У вас так просто убить человека? – спросил я. – Маме достаточно просто показать пальцем и все?

При слове «мама» Иоганн недовольно сощурился.

– Мама у тебя только одна, – заявил он. – А насчет просто показать пальцем... Мэри не дура, она никогда не прикажет казнить того, кто еще не совсем достал всех окружающих. Тех, кого казнят, никому не жалко.

– Йоши мне не показался человеком, которого никому не жалко, – заметил я.

– Йоши – особый случай, – сказал Иоганн. – Он был хорошим парнем, но у него на сексе совсем крыша поехала. Мальчишки его не любили, брезговали, отмазывались всеми путями...

– Какие мальчишки? – удивился я. – У вас тут есть мальчишки-проститутки?

Пол вдруг поднял голову и уставился на меня тяжелым злобным взглядом. Иоганн посмотрел на него и рассмеялся.

– У нас кого только нет, – сказал он. – Конечно, есть, вот Пол, например. Как тебе Йоши, Пол?

Пол скрипнул зубами и напрягся, как будто собрался встать, схватить Иоганна за бороду и повозить как следует мордой по столу.

– Не сердись, Пол, – сказал Иоганн. – Извини. Давай пока

замнем эту тему.

От соседних столов донесся стук открываемых тарелок и звон вилок. Я обернулся и увидел, что Мэри, она же Мама, заняла свое место за столом. Выглядела она озабоченной и немного осунувшейся.

– Мэри – хорошая женщина, – продолжал Иоганн. – Умная и не злая. Да и Сара, в общем-то, тоже. Жалко их.

Я открыл свою тарелку и обнаружил на ней русские пельмени с майонезом. Странные у Мэри гастрономические вкусы.

– Почему? – мрачно спросил Пол.

– Ну как почему? Мы с тобой сидим себе и тихо ждем конца, потому что от нас по любому ничего не зависит. А Мэри с Сарой тяжелее приходится, им такое состояние непривычно.

Иоганн произнес эти слова так спокойно и уверенно, что у меня екнуло сердце.

– Думаешь, все кончено? – спросил я.

Иоганн пожал плечами.

– Точно сказать не могу, – сказал он, – да ты и сам понимаешь, точно никто не скажет. Но если бы я был в совете директоров «Шемаха Инвест», я бы голосовал против спасательной экспедиции. Когда все начиналось, люди на Мимире были нужны, а последние лет восемь это выродилось в такой балаган... Наркоманов и блядей стало больше, чем ученых.

– Наркоманов? – переспросил я. – Тут разрешены наркотики?

– Виртуалка – тоже наркотик, – важно провозгласил Иоганн, жестикулируя пельменем на вилке. – Пожалуй, даже посильнее героина. Я полагаю, в ближайшие часы Мэри снимет все ограничения на пользование виртуалкой. Когда это произойдет, лично я собираюсь войти в нее и больше не выходить. В смысле, в виртуалку войти, а не в Мэри. Помому, самая приятная смерть из всех возможных.

Я пробежался взглядом по лицам соседей по столу и обнаружил, что они восприняли это утверждение совершенно спокойно. Кажется, у них вообще нет сомнений, что станции пришел полный и окончательный конец.

– А если подняться наверх? – спросил я. – Ледяные пробки можно пробить.

– Как? – спросил Пол.

– Да хотя бы проплавить. Ни за что не поверю, что на станции не из чего собрать хотя бы один нагревательный элемент.

– Собрать-то есть из чего, – сказал Иоганн. – Только как поднять его наверх? Почти пятьсот метров по вертикальной стене – это не шутка.

– А антиграв?

– Не поможет, – подал голос Генрих. – Я по молодости занимался воздушным спортом, можешь мне поверить. Шахты лифтов слишком узкие, прижмет к стене, начнешь скакать, как мячик для пинг-понга, все кости себе переломашь.

– А если по центру, очень аккуратно...

– Все равно без шансов, – покачал головой Генрих. – Что-

бы подняться по такой трубе на сто метров, надо быть масте-ром спорта. А тут почти пятьсот.

– А лестницы там никакой нет? – спросил я.

Пол мрачно хохотнул.

– Ты еще о шесте помечтай, – прокомментировал он. – Пятьсот метров вверх, да еще в скафандре, а потом провисеть там полдня, пока лед проплавится... Да ты на полпути сдохнешь!

– Допустим, не сдохнет, – вмешался Иоганн. – Допустим, он доберется до пробки, благополучно ее проплавит и вылезет на поверхность. А дальше что?

Я пожал плечами.

– Не знаю, – сказал я. – Вам должно быть виднее. Антенны восстановить...

– Невозможно, – заявил Генрих. – Новый комплект антенн можно доставить только с Земли. А заодно нужно доставить комплект строительных роботов, потому что стоянка наших роботов наверняка разгромлена.

– Все это ерунда, – подвел итог дискуссии Иоганн. – Если корпорация захочет нас спасти – это сделают и без нас. А если нет – то, значит, нет.

– Ну, не знаю, – сказал я. – По-моему, надо хотя бы попробовать. Всяко лучше, чем сидеть и ждать голодной смерти. Я, наверное, смогу подняться по тросу на пятьсот метров. У меня неплохая физическая подготовка, я еще не привык к низкой гравитации...

– Трос наверху, – заметил Пол. – Когда лифтами никто не пользуется, они всегда стоят наверху. А по стене шахты ты никак не взберешься, будь ты хоть человек-паук.

– Теоретически, взобраться можно, – возразил Генрих. – Комплект тепловых ледорубов я могу изготовить за пару часов, тренированный человек вполне сможет преодолеть с их помощью метров триста. Ты альпинизмом занимался?

Я отрицательно помотал головой.

– Не занимался, – сказал я. – Но зато при земной тяжести я подтягиваюсь на перекладине восемнадцать раз.

– По тебе не скажешь, – заметил Генрих.

– Скажешь-скажешь, – возразил Иоганн. – Самые сильные люди – они не мускулистые, они жилистые. Кто его знает, может, у него и получится метров триста проползти.

– Где триста, там и пятьсот, – сказал я.

Мои собеседники дружно покачали головами.

– Выше сетка заканчивается, – сказал Генрих. – Начинается сплошная опалубка, в нее ледоруб не вгонишь.

– С двухсот метров можно и кошкой выстрелить, – заметил Пол.

– Наверху лед очень рыхлый, – возразил Генрих.

– В пробке он будет плотным, – в свою очередь возразил Иоганн. – Он же совсем недавно замерз. Только это должна быть не кошка, а тот же самый тепловой ледоруб, только модифицированный.

– Точно! – воскликнул Генрих. – Надо сделать такой гар-

пун с раскрывающимися крючьями, а в каждом крюке тепловой элемент. И еще один элемент в центре, чтобы расплавить лед, чтобы крюки смогли растопыриться. Только все надо очень тщательно просчитать.

– Я просчитаю, – сказал Иоганн. – Мне самому стало интересно. А ты молодец, Алекс, здорово придумал. Спасти это нас не спасет, но как развлечение на последние дни сгодится. Отличная идея.

– Спасет, – заявил я, изо всех сил стараясь придать голосу уверенность. – Потому что когда мы откроем выход на поверхность, мы не станем ничего восстанавливать. Мы просто перережем канат и пусть восстановлением занимается корпорация. У них не будет другого выхода, кроме как прислать сюда ремонтную бригаду. А когда она прибудет, мы не позволим роботам заняться ремонтом каната до тех пор, пока они не наладят лифты и не восстановят поставки продовольствия и всего остального.

– Шахид, – хмыкнул Пол.

Его лицо выражало крайнюю степень скептицизма.

Но лица Иоганна и Генриха выражали нечто совсем другое. Непонятно что, но точно не скептицизм.

– А ведь это может сработать, – пробормотал Иоганн. – Поработаем, Генрих?

– Поработаем, – подтвердил Генрих.

Они хлопнули друг ладонью о ладонь, как гангстеры в фильмах про древнюю мафию, и синхронно засмеялись. На

них стали обращаться, но они этого не замечали, их уже полностью захватила новая идея.

Я подумал: «Зря корпорация направила сюда профессионального менеджера» и тоже засмеялся. И наплевать, что подумают окружающие, пусть думают, что хотят. Если мой безумный план каким-то чудом сработает... Нет, думать об этом пока еще преждевременно, рано еще делить шкуру неубитого медведя.

12

Иоганн с Генрихом отправились на какой-то пост заниматься компьютерными расчетами. Им предстояло рассчитать конструкцию тепломеханической кошки для прикрепления троса к ледяной глыбе, духового ружья, из которого эту кошку надлежит выстрелить, хитрого сооружения, которое должно позволить мне плавить пробку над головой, не рискуя при этом ни свалиться вниз, ни превратится в ледяную статую... В общем, у них неожиданно появилось много работы, к которой они относились с неподдельным энтузиазмом. Еще бы, жить захочешь – не так раскорячишься.

Я не пошел с ними. Помочь им я ничем не смогу, для этого нужны знания, которых у меня нет, а просто сидеть рядом – буду только мешать. Зайти к Мэри или Саре и рассказать им про свою идею? Тоже преждевременно, вдруг у Иоганна и Генриха ничего не получится? Неудобно будет – вначале

обнадежил, а потом отнял последнюю надежду. За такие дела меня линчуют и правильно сделают.

Просто пообщаться с кем-нибудь, завести знакомство? Мысль, в общем-то, дельная, но за ужином я уже вдоволь насмотрелся на хмурые лица сотрудников станции. Ежу понятно, что сейчас они меньше всего хотят заводить знакомство с тем самым деятелем, который только что прибыл с Земли и уже успел стать причиной гибели Йоши – тот, конечно, сам виноват, но его все равно жалко. К тому же, в подсознании старожилов я незаметно ассоциируюсь со случившейся аварией – только появился на станции Алекс Магнум, так сразу и пришел конец всему. Он, конечно, в этом не виноват, но все равно неприятный осадок остался. И не убрать никак этот осадок, пока текущие проблемы не разрешатся и авария не станет частью прошлого. Или пока мы все не умрем и психологические проблемы не рассосутся сами собой.

Я пришел к себе в комнату, упал на кровать, включил телевизор и стал переключать каналы. Репортаж с чемпионата мира по виртуальным видам спорта. Боевик про наркоторговцев со стрельбой. Детективный сериал про то же самое. Новости трехдневной давности. А ведь уже завтра или послезавтра телевидение прикажет долго жить. Надеюсь, Мэри и Сара догадаются включить трансляцию старых записей. Впрочем, если даже не догадаются, это все равно ничего не изменит.

Я вспомнил про стенные шкафчики в комнатах Йоши и

Мэри, пошарил рукой за изголовьем, нащупал нужную кнопку, просунул руку внутрь своего шкафчика и ничего там не нашел. Встал на четвереньки, заглянул внутрь – точно ничего. Даже обидно стало. Чего стоило Лэну Генгару оставить в шкафчике более подробное послание? А может, он его и оставил, просто при уборке комнаты его нашли, прочитали и уничтожили? Впрочем, какая разница?

Надо как-то убить ночь и первую половину следующего дня. Спать не хочется, смотреть телевизор тоже. Войти в виртуалку? Нет, спасибо, пока не надо. Когда не останется совсем никакой надежды, тогда можно попробовать, а пока не надо. Сюда бы книгу хорошую...

И тут я вспомнил, что Рик говорил про склад бумажных книг в холодильнике. Кажется, на пятом уровне. Сходить, что ли, прогуляться...

Я вышел в коридор, дошел до ближайшей дыры в полу, спрыгнул на этаж ниже, немного поблуждал по коридорам и вскоре вышел к наружной стене. Ее легко отличить от внутренних перегородок – она холодная.

Двери, ведущей в холодильник, нигде не было. Я стал идти вдоль наружной стены и в конце концов наткнулся на дверь метров через двести, а то и триста. То ли станция больше, чем мне казалось, то ли я сделал почти полный круг.

Дверь открывалась кнопкой на стене, никакого колеса, как во внешнем шлюзе, на этой двери не было.

За дверью обнаружился маленький и тесный тамбур, на

стене вешалка, на вешалке теплый халат, под вешалкой то ли тапочки, то ли кроссовки – та самая обувь, которую надел Рик, встречая меня в шлюзе. Последний островок тепла перед холодильником. Я вошел внутрь и дверь за моей спиной автоматически захлопнулась.

Я облачился в халат, нашел на стене нужную кнопку, открыл вторую дверь и вошел в холодильник. Брр... Как же тут холодно...

Дизайн внутренних областей станции представляет собой нечто среднее между жилым комплексом и небольшим полуавтоматическим заводом. Холодильник же выглядит как большая свалка всевозможного барахла. Впрочем, почему выглядит? Это и есть большая свалка.

Гора книг обнаружилась у самого входа. Очень хорошо – халат халатом, но даже в нем тут недолго замерзнуть. Отобрать побыстрее что-нибудь читабельное и сразу назад.

Егидес, Булгаков, Шекспир... одна классика... А вот комиксы... Нильсен... Нет, не только классика... Набоков, Кинг, справочники по бизнесу... кому они тут нужны... Кнари... Кнари?!

Негнушимися от холода пальцами я взял книгу в руку и уставился на обложку безумным взглядом. На обложке было написано:

ВЛАДИМИР КНАРИ

ГЛУПЫЕ РЫБКИ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Перед моим внутренним взором сама собой появилась надпись, которую я увидел вчера в собственном унитазе. КНАРИ ГЛУПЫЕ РЫБКИ 12.

Я стал перелистывать страницы, дошел до двенадцатой и обнаружил, что вверху и внизу страницы, там, где нет типографского текста, написано по две строчки от руки. И на тринадцатой странице тоже, и на четырнадцатой...

Написано было следующее:

Мимир – это тюрьма, пожизненная тюрьма без права помилования. Это преступно, этому нет оправдания. Я собираюсь положить конец этому преступлению. Если ты читаешь эти строки, значит, мой план не удался. Теперь ты обязан довести мою миссию до конца. Но пока ты еще не готов. Спроси у людей про Таню Таараи, а когда узнаешь, что с ней случилось, открой страницу 158. Но не открывай ее сейчас, ты еще не готов! Пойми, это очень страшно и очень серьезно. Судьба многих тысяч людей зависит сейчас от твоего решения. Заклинаю тебя, пока не узнаешь правду о Тане Таараи, не читай моего следующего послания. Да пребудет с тобой благословение Будды. Амида.

Я потянулся было к странице 158, но остановился. Нет, не потому, что решил последовать совету явно свихнувшегося автора записки. Просто я почувствовал, что замерз настолько, что зубы уже стучат, а все тело трясется мелкой дрожью. Лучше я прочитаю второе послание в тепле.

Отогревшись и немного поразмыслив, я решил все-таки воспользоваться советом Генгара и для начала немного разузнать про загадочную Таню Таараи. Во-первых, до завтра все равно делать нечего, во-вторых, это хороший повод поговорить по душам с кем-нибудь из старожилов базы, а в-третьих, я и так знаю, что написано на странице 158. Генгар описывает там, почему и как он организовал аварию, которую наивные люди пытаются объяснить прямым попаданием залетного метеорита. Почему – потому что база на Мимире, по его мнению, должна быть закрыта, ибо это не база, а тюрьма. Как – пока не знаю, но что это изменит? Или все-таки посмотреть?

Я открыл книгу на 158 странице и увидел:

Да, ты все понял правильно. Именно это и стало причиной тому, что я сделал. Теперь ты знаешь, зачем я это сделал и что я хочу от тебя. И запомни – этого хочу не только я, этого хочет все человечество, кроме горстки мерзавцев, некоторых из которых ты уже знаешь. Действуй, у тебя мало времени. Да пребудет с тобой благословение Будды.

А если ты еще не понял того, что я хотел сказать предыдущим абзацем, значит, ты не воспользовался моим предыдущим советом. Пойди и все-таки узнай, кто такая Таня Таараи и что с ней произошло. Только, во имя всех бодхисатв,

ни слова не говори ни Блейк, ни Лермонтовой, ни Мороз, иначе я не дам за твою жизнь и ломаного цента.

Амида.

Точно псих. Я вдруг почувствовал себя персонажем сетевой бродилки. Сходи туда, найди артефакт, разгадай загадку, найди мудреца... Неужели так трудно было все написать понятным человеческим языком? Впрочем, что взять с сумасшедшего...

Зато теперь ясно, чем занять себя завтра утром. С кем бы поговорить про эту Таарай? Иоганн и Генрих будут заняты... Рик? А почему бы и нет? И зачем ждать до утра?

Я вышел из комнаты и отправился бродить по коридорам, разыскивая комнату, в которой обитает Рик. На пятом уровне таблички с именем Рика Диза не обнаружилось, на шестом тоже, я уже начал думать, что Рик вывесил на дверь какое-то другое имя, но на седьмом уровне я все-таки нашел то, что искал. К моему огромному удивлению, на табличке был изображен здоровенный гориллоподобный негр. Я даже почувствовал какую-то извращенную ностальгию – в детстве я посмотрелся на подобных типов более чем достаточно.

Я нерешительно подошел к двери и замер напротив нее. Откроется или нет? Она открылась.

Рик валялся на кровати и, казалось, медитировал. На мое появление он отреагировал вялым кивком и снова уставился в потолок, не обращая на меня никакого внимания.

– Добрый вечер, – произнес я и вошел в комнату.

– Думаешь? – спросил Рик.

– О чем? – не понял я.

– По-твоему, этот вечер добрый? Я бы так не сказал.

Я пожал плечами и ничего не ответил.

– Садись, – сказал Рик. – Или ложись, если хочешь, только не приставай ко мне, я тебе не Йоши.

Видимо, на моем лице что-то отразилось, потому что Рик быстро добавил:

– Извини, это я пошутил. У меня иногда глупые шутки получаются.

– Ничего страшного, – пробормотал я и осторожно присел на краешек кровати. – Я хотел у тебя одну вещь спросить, можно?

– Чтобы узнать, можно ли спросить, надо сначала спросить, – глубокомысленно заметил Рик. – А если ты спросишь, будет уже поздно выяснять, можно ли было спрашивать. Так что спрашивай и не грузись.

– Хорошо, – улыбнулся я.

Надеюсь, моя улыбка не показалась Рику натянутой.

– Кто такая Таня Таарай? – спросил я.

Рик сложил губы бантиком и задумчиво уставился на меня. Я ждал ответа.

– А откуда ты про нее узнал? – спросил Рик после долгой паузы.

– Из толчка, – ответил я. – Ее имя было написано маркером внутри унитаза в моей комнате.

Рик задумчиво присвистнул.

– Интересно, – сказал он.

И замолчал.

Некоторое время я ждал, что он скажет, но молчание грозило затянуться надолго, если не навечно.

– Что интересно? – спросил я.

– Многое, – ответил Рик. – Хочешь узнать, почему свихнулся Лэн?

– Хочу.

– А не боишься?

– А чего мне бояться? – не понял я.

Рик развел руками.

– Если бы я знал, чего бояться, я бы боялся, – ответил он. – Хорошо, я расскажу тебе все, что знаю, только попрошу тебя об одном одолжении.

– О каком?

– Не рассказывай никому про ту надпись в унитазе, особенно Маме и Саре. Понимаешь, это я убирался в твоей комнате после Лэна. Я должен был заметить и стереть эту надпись.

– Почему стереть? Это какая-то тайна?

– Наверное, – сказал Рик. – Какая-то тайна наверняка есть, но какая – не знаю. Так ты никому не расскажешь?

– Никому, – пообещал я.

– Тогда слушай. Таня Таараи появилась у нас в прошлом году. На Земле она работала в биологической лаборатории,

сюда ее отправили за что-то политическое. То ли запрещенные манифестации, то ли кибертерроризм... не помню, да и не знаю, честно говоря.

Рик вдруг зевнул.

– Что-то спать хочется, – сказал он.

Я тоже почувствовал нарастающую сонливость. Так бывает, когда перенервничаете или с похмелья – то тебя трясет всего, а то вдруг в сон тянет.

– Ты не увиливай, – сказал я. – Раз начал рассказывать – рассказывай до конца.

Рик еще раз зевнул и продолжил:

– Красивая была девушка. Наполовину русская, наполовину негритянка с Тихого океана, у них интересные гибриды получаются. Очень молодая, даже моложе меня. И очень умная. Не помню, защитила ли она на Земле диссертацию или только собиралась защищаться... в общем, очень толковая девушка, настоящая ученая. Такие редко встречаются среди девушек, особенно красивых.

Рик снова зевнул.

– С ней случился сердечный приступ во сне, – продолжил он. – Легла спать и не проснулась. Очень странно.

– Почему странно? – не понял я.

– Она провела на станции меньше пяти месяцев. Когда она вошла в прыжок, сердце у нее было здоровое, иначе она умерла бы еще там, на борту корабля. А за четыре с небольшим месяца ни одна сердечная болезнь не успевает развить-

ся, – он снова зевнул.

– Может, какая-нибудь аневризма хитрая? – предположил я, с трудом сдерживая зевок.

– Может быть, – безразлично ответил Рик.

Я почувствовал, что сейчас засну прямо здесь. Ну и ладно. Какая разница, где спать?

ГЛАВА ВТОРАЯ

МИМИР: ИСХОД

1

Я проснулся оттого, что во сне затекла шея, я пошевелился, потерся щекой обо что-то жесткое и волосатое и это что-то вдруг подпрыгнуло подо мной, да так, что у меня клацнули зубы.

Я тоже подпрыгнул, открыл глаза и обнаружил, что смотрю прямо в глаза Рика. В них отчетливо читалось недоумение, переходящее в испуг.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он.

Мне потребовалось секунд пять, чтобы сообразить, где я нахожусь и что я тут делаю. Нахожусь я в комнате Рика, а с какой целью... я к нему зашел вчера вечером поговорить... о чем-то важном, кажется...

Рик вдруг криво улыбнулся.

– Ты точно не гей? – спросил он.

Я демонстративно пощупал собственную задницу.

– Вроде нет, – сказал я.

Рик заржал.

– Извини, – сказал он. – Опять глупо пошутил. Что-то нас

с тобой сморило вчера.

Рик протянул руку, пошарил по стене у изголовья кровати, чего-то не нашел и стал растерянно озираться. Свои действия он комментировал следующим образом:

– Столик забыл откинуть... Куда же я часы подевал?

– Они у тебя на руке, – подсказал я.

Рик посмотрел себе на правую руку, потом на левую, обнаружил часы и засмеялся.

– Гениально! – провозгласил он. – Поздравляю вас, Ватсон!

Бросил еще один взгляд на часы и встревожено добавил:

– Однако пора на завтрак бежать, а то опоздаем. Блин, побриться не успеваю! – он почесал щетину на подбородке.

Я тоже пощупал подбородок и не обнаружил там никакой щетины, а обнаружил вполне нормальную курчавую бороденку.

– Мне бы тоже не мешало побриться, – пробормотал я. – И помыться. Е-мое! Сколько ж я не мылся-то...

Рик шумно принюхался и скорчил брезгливую гримасу.

– Пованиваешь, – согласился он. – Сразу после завтрака сходи в душ, у нас с этим строго. В такой тесноте хочешь – не хочешь, а за гигиеной следить надо. И побрейся, тебе борода не идет.

– Угу, – буркнул я, почесывая бороду. – Но это потом. Пойдем завтракать.

Иоганн с Генрихом выглядели не выспавшимися и очень

возбужденными.

– Как дела? – спросил Иоганн, когда я плюхнулся на стул рядом с ним. – Как самочувствие?

– Нормально, – ответил я. – У вас что-нибудь получилось?

– Получилось, – кивнул Иоганн. – А ты выглядишь не очень. Глаза красные, какой-то весь дерганый...

Я пожал плечами.

– Наверное, адаптация, – сказал я. – Или отходняк от дэйтдрага никак не пройдет.

– Непохоже, – покачал головой Иоганн. – Когда Йоши Пола дэйтдрагом накормил, у него такого не было.

Пол злобно зыркнул на Иоганна, но сразу опустил взгляд в чашку с кофе. Мне вдруг стало жалко Пола. Я представил себе, как здоровенный Йоши пристраивается к нему сзади, а тот под воздействием наркотика радостно постанывает... брр... Правильно, что за такие дела казнят.

Я решил сменить тему разговора.

– У вас всегда завтрак такой паскудный? – спросил я. – Чашка кофе, три бутерброда...

– Всегда, – подтвердил Иоганн. – Иногда оладьи бывают, но редко. Да мы уже привыкли как-то...

– Может, отложить до после обеда? – подал голос Генрих. – А то Алекс действительно странно выглядит...

– А что, у вас уже все готово? – спросил я.

– Не все, – ответил Генрих. – Только для первого этапа. Есть шесть тепловых ледорубов – четыре основных, один за-

пасной и один большой, его надо в самом конце воткнуть в стену и накрутить на него ролик. Тебе придется подняться до сплошной опалубки и собрать там примитивный подъемник. Во второй раз подниматься будешь с комфортом. Все равно за один раз ты до самого верха не доберешься, силенок не хватит.

– Давайте лучше есть, – сказал Иоганн. – Алекс, ты готов?

Некоторое время я прислушивался к своим ощущениям, а затем ответил:

– Вроде готов. По-моему, начинать надо как можно раньше, организм отвыкает от нормальной гравитации, мышцы слабеют. Да и вообще, сидеть, ждать – только изнервничаюсь зря.

– Хорошо, – кивнул Иоганн. – С Мэри я уже поговорил, она не возражает. С тобой пойдут Юити, Саша Черный и Света Мороз. Юити с Сашей будут тросы тягать, Света – как наблюдатель от начальства. Но официально считается, что она там будет как врач, вдруг ты сорвешься...

– Если я сорвусь, врач уже не поможет, – заметил я.

– А никто и не говорит, что поможет, – сказал Иоганн. – Просто Мэри с Сарой решили, что если за вами присматривать откровенно и нагло, это будет унизительно и вы будете нервничать, а если под видом врача – то все будет как бы нормально.

– А зачем за мной присматривать? – не понял я. – Чтобы не убежал?

– Сам удивляюсь, – пожал плечами Иоганн. – А может, я неправильно понял, может, Света сама захотела поприсутствовать при историческом событии. Может, она думает, что сможет помочь в случае чего. Если навернешься не очень высоко...

– Не каркай, – буркнул Пол.

– И в самом деле, – поддержал его Генрих, – хватит уже переливать из пустого в порожнее. Лучше скажи, как духовой насос собирать.

– Пока и сам не знаю, – пожал плечами Иоганн. – Сейчас поедим, развернем чертежи, будем думать. Что-нибудь обязательно придумаем.

– Какой духовой насос? – заинтересовался я.

– Не бери в голову, – отрезал Иоганн. – Твоя первая задача – добраться до сплошной опалубки и установить подъемник. Пока с этим справишься, мы разберемся, что делать дальше. Только не думай, что взобраться на триста метров по гладкой стене будет легко.

– А я и не думаю, – сказал я, допил последний глоток кофе и добавил: – Ну что, пойдём, что ли?

– Подожди, – сказал Иоганн. – Выход назначен на десять. Подходи к шлюзу к десяти, Юити с Сашей уже будут там. Они тебя и проинструктируют подробно.

Я посмотрел на часы. Половина десятого. Не успею помыться. Ну и ладно, все равно вспотею, пока буду лезть по шахте.

На первый взгляд, в подъеме по ледяной стене нет ничего сложного. Главным инструментом является тепловой ледоруб – толстый металлический штырь с миниатюрным энергоблоком на одном конце и нагревательным элементом на другом. Упираешь его в стену, нажимаешь кнопку на боковой поверхности, давишь на штырь и стена начинает поддаваться. Лед не плавится, он всего лишь переходит в мягкую форму, но и этого вполне достаточно. Штырь как бы проваливается в лед и когда он вдвигается достаточно, ты отпускаешь кнопку. Через пару секунд лед вокруг штыря возвращается в обычное твердое состояние и штырь теперь можно использовать как ступеньку, главное, чтобы кнопка была внизу, чтобы не наступить на нее случайно. А то вырвет из стены и поминай, как звали, страховки-то никакой, некуда ее крепить.

Восхождение – процедура медленная, монотонная и утомительная. В стену воткнуты три ледоруба, на них опираются обе ноги и одна рука. Четвертый ледоруб, самый нижний, выдергивается из стены и загоняется над первым, самым верхним. Надо дождаться, когда он закрепится, убедиться, что кнопка расположена внизу, подняться на одну ступеньку импровизированной лестницы, и начать все сначала. Одна ступенька – десять-двадцать секунд. Две ступень-

ки – метр. Если поднапрячься, то за час с учетом неизбежных передышек можно преодолеть сто метров. Только устает, как собака, и скафандр жутко мешает.

Ничего сложного – нагнулся, постоял, дернул, распрямился, воткнул, постоял, перешагнул. Снова нагнулся и все по новой. И так примерно тысячу раз.

К исходу третьего часа я сделал первую ошибку. Не проследил за кнопкой и очередной ледоруб, когда я ухватился за него рукой, вдруг вывалился из стены и, прежде, чем я успел среагировать, полетел вниз.

– Осторожно! – крикнул я и проводил взглядом кувыркающуюся железяку.

Далекie лучи налобных фонариков, бестолково прыгающие по дну шахты, вдруг взлетели вверх и впились прямо в мои глаза. Меня ослепило, я заорал:

– Осторожно, черт вас дери! Зубило летит!

Только теперь до моих помощников дошло, что я имею в виду. Все три луча резко дернулись, заметались и через секунду на дне шахты стало темно. Интересно, достаточно здесь высоты, чтобы энергоблок разрушился и сдетонировал? Если штырь упадет энергоблоком вниз... Двести местных метров – это в смысле удара от падения примерно двадцать земных... вроде не должен...

На всякий случай я поднял голову и закрыл глаза. По идее, даже если энергоблок взорвется, со мной ничего страшного не произойдет. Ударной волны в вакууме не бывает, оскол-

ки так высоко не залетят, а от поражающих излучений защитит скафандр. Шлюз, правда, может разнести... Надеюсь, Иоганн с Генрихом догадались поставить в ледоруб не слишком мощный энергоблок. Наверняка догадались – они ведь выдали мне один запасной ледоруб, значит, предполагали, что один из основных может упасть вниз.

– Ну как там? – спросил я.

– Никак, – ответил Юити. – Пока ничего не прилетело. Погоди... Все, уже прилетело. Все нормально, ничего не взорвалось.

– Ну и слава богу, – ответил я.

– Ты как? – спросила Света. – Может, тебе отдохнуть немного?

– Уже отдыхаю. Сейчас отдышусь и дальше поеду. Немного уже осталось.

– Ты осторожнее там, – посоветовала Света. – Если еще один ледоруб потеряешь, придется спускаться.

– Как спускаться? – спросил я. – На трех ледорубах уже не спустишься.

– Тем более, – сказала Света. – Не спеши, по времени ты не ограничен. Воздуха в баллонах хватит еще часа на три, если не больше.

– На два, – уточнил я. – Не забывай, я дышу сильнее, чем обычно.

– Все равно не спеши, – сказала Света.

За следующий час не произошло ничего примечательно-

го, если не считать того, что я окончательно выдохся. Наклон, пауза, дернуть, распрямиться, воткнуть, пауза, шаг, шаг, перехват. И так сотни раз подряд. Ужас.

Но все плохое рано или поздно заканчивается. На очередной итерации подъема я поднял голову, окинул взглядом стену перед собой и вдруг понял, что не вижу перед глазами каркасной сетки, которой шахта облицована изнутри. Вот и все, подумал я. У меня получилось. Сердце гулко стучало, его биение отдавалось в ушах адским колоколом. Одышка не прекращалась уже часа два. Ощущение такое, как будто пробежал километров пять-семь при нормальной гравитации.

Теперь надо сделать то, ради чего я сюда карабкался. Осторожно, чтобы, не дай бог, не уронить, я вытащил из-за спины большой костыль, тот же самый тепловой ледоруб, только намного больше. Воткнул его в стену на уровне груди. Глубоко воткнул, капитально, и сразу же намертво заблокировал кнопку, чтобы случайно не нажалась. Выждал минуту, просто на всякий случай. Подергал костыль, убедился, что он закреплен жестко и прочно. Замечательно.

Осторожно снял со спины ролик, надел на костыль, закрепил шлицы. Проверил, как крутится подшипник, убедился, что нигде ничего не залипает. Извлек из бедренного кармана свободный конец большой бухты троса, заправил его в направляющий канал ролика, спустил конец вниз.

Пропустил свободный конец троса в специальные ушки на поясе скафандра и стал обматывать трос вокруг пояса. Хо-

рошо, что в холодильнике нашлась запасная бухта несущего шнура каната Один-Мимир. Небось, строители станции и не думали, что этой вещи найдется применение. Поленились выносить мусор, запихнули в кладовку, а теперь их лень спасает всех нас. А может, и их тоже спасает – может, они до сих пор еще на станции, возможно даже, это они как раз и подсказали Иоганну, где можно раздобыть очень тонкую, легкую и прочную веревку.

Пять витков – должно хватить. Закрепить тремя мертвыми узлами... сделано.

Осталось только вытащить из другого кармана какую-то непонятную железяку, тщательно привязать к тросу на тройной узел...

– Осторожно! – крикнул я. – Бросаю конец!

– Не кричи, – ответил Юити. – Бросай.

– Голову опусти, – пробурчал я. – Фонарем ослепляешь.

– На таком расстоянии? – удивился Юити.

– На таком расстоянии, – подтвердил я. – Когда ты наверх смотришь, тут как будто вся шахта светится.

– Извини, – сказал Юити. – Так лучше?

– Лучше. Бросаю.

Трос падал долго, секунд двадцать, наверное. Низкая гравитация, чтоб ее...

– Есть, – сказал Юити. – Блин! Кажется, запутался, сволочь. Точно запутался. Подожди немного, сейчас распутаем.

Ждать пришлось минут десять. Я стоял в неудобной позе,

вцепившись в костыль затекшими руками, и рассеянно слушал, как Юити и Саша вяло переругиваются внизу, распутывая бухту. Надо было его на катушку намотать какую-нибудь...

– Готово, – сказал наконец Юити. – Держим.

– Вдвоем? – уточнил я.

В отличие от Йоши, Юити – настоящий японец, маленький и поджарый, он намного легче меня, даже когда я не в скафандре. Если он держит меня один, то когда я повисну на тросе, Юити взлетит наверх и мы оба разобьемся – вначале я, потом он.

– Вдвоем, – ответил Саша. – Но ты осторожно отцепляйся, не сразу.

– Натяните, – потребовал я.

Через несколько секунд трос натянулся. Я стал осторожно переносить часть собственного веса с вбитых в стену штырей на трос.

– Нормально? – спросил я. – Не скользит, не вываливается?

– Нормально, – Юити и Саша ответили хором. – Отцепляйся, – это сказал уже один Юити, Саша промолчал.

«Эх, почему я не верю в бога», подумал я. И отцепился.

Следующие полчаса я чувствовал себя трясущимся и вертящимся во всех направлениях дерьмом, подвешенным на веревочке. Фонари скафандров Юити и Саши ярко подсвечивали шахту, это было красиво, но раздражающе – лучи по-

стоянно дергались туда-сюда, их свет то ослеплял, то весь мир проваливался в крошечную тьму. Свой фонарь я выключил сразу – от хаотично меняющейся освещенности кружилась голова. Впрочем, она и без того кружилась.

В какой-то момент я понял, что уже не болтаюсь на веревке, а лежу на полу. Через какое-то время я сумел встать. Смутно помню, как Юити и Саша долго ругались, безуспешно пытаясь развязать узлы, которыми я закрепил трос на поясе скафандра. В конце концов они решили, что развязать узлы невозможно и единственный выход – пусть шнур тянется прямо сквозь шлюзовую камеру. Потом шлюз долго не хотел впускать нас на станцию, мотивируя это тем, что внешний люк не совсем герметичен. Света долго ругалась с дежурным по жилью, тот не возражал против того, чтобы снять блокировку шлюза, но никак не мог разобраться, как это делается. И когда Юити разгерметизировал мой скафандр и помог мне выбраться наружу, я уже не верил, что это происходит в реальности. У меня осталось только четыре желания: посетить нормальный туалет, выпить пару литров какого-нибудь сока или хотя бы простой воды, помыться и поспать. Есть тоже хотелось, но этим я займусь после сна.

3

Я проснулся от резкой боли. Открыл глаза и увидел, что из локтевого сгиба моей руки торчит шприц, который держит

в руках Света Мороз.

– Тихо, не дергайся, – сказала Сара.

Она сидела на моих ногах, чтобы я не брыкался. За руки меня тоже кто-то держал.

– Сейчас, сейчас, – негромко произнес этот кто-то. – Потерпи, чуть-чуть осталось.

Света быстро, но плавно нажала на поршень шприца, какая-то прозрачная жидкость влилась в мою вену. Света выдернула шприц и сказала:

– Вот и все.

Сара слезла с моих ног, некто невидимый отпустил мои руки, я сел, обернулся и увидел, что это Эберхарт.

– Ну и что это было? – спросил я.

– Стимулятор, – ответила Сара. – Во время первого этапа ты выдохся сильнее, чем мы рассчитывали. К вечеру у тебя будет болеть все тело, двести метров по шнуру ты не одолеешь.

– По шнуру? – переспросил я. – На руках, что ли? В скафандре?

– На руках, – подтвердила Сара. – В скафандре.

– Да вы все сдурели! – воскликнул я. – Ты хоть шнур этот видела? Он же тонкий как ниточка! За что там цепляться?

Сара недовольно нахмурилась.

– Все продумано, – заявила она. – На шнур наклеены специальные нашлепки, хвататься найдется за что. Вздвигаться будет тяжело, но реально. К тому же, ты будешь почти без

груза, только костыль, ролик и бухта с тросом, как утром. Добираешься до потолка, крепишь ролик, сбрасываешь трос и спускаешься по нему вниз, как в первый раз.

– Я же сдохну после этого, – пробормотал я.

– Не должен, – возразила Сара. – Да, будет тяжело, но кому сейчас легко?

Я вдруг почувствовал, что она лжет. Нет, не в последних словах, она действительно считает, что я смогу нормально перенести это испытание. Она лжет в чем-то другом, даже не в чем-то конкретном, а во всем, в самом отношении ко мне. Точнее, не лжет, а недоговаривает.

Я встал с кровати и понял, что совсем не устал. Я чувствовал себя мифическим Гераклом, готовым вычистить конюшни, порвать пасть льву, обломать хвост дракону и все это одновременно.

– Торкнуло, – сказала Света и хихикнула.

Я посмотрел на нее и понял, что она тоже что-то скрывает. Она смотрит на меня, как смотрят на диковинное животное или на раба, которого вот-вот принесут в жертву. Она не воспринимает меня как живого человека, как личность, достойную уважения. А Эберхарт?

Нет, с Эберхартом все нормально. Если Сара и Света действительно задумали какой-то коварный план, то Эберхарт в нем не участвует. Он смотрит на меня с сочувствием, переходящим в жалость, и одновременно с завистью. Если бы его мышцы не атрофировались давным-давно от низкой грави-

тации, он бы занял мое место без колебаний. Он хороший человек, а Сара и Света – нет.

– Как себя чувствуешь? – спросила Сара.

– Отлично, – ответил я. – Готов горы своротить. Надо полагать, вечером будет отходняк?

Сара кивнула и на мгновение отвела глаза. Сама того не осознавая, она ясно давала понять, что думает иначе, что отходняка не будет. А зачем это скрывать? Какая-то тут тайна...

Стоило мне мысленно произнести про себя это слово, как ассоциативная цепочка мгновенно раскрутилась, прошлась по закоулкам моей памяти и извлекла оттуда то, о чем я на чисто забыл еще вчера вечером. Таня Таараи.

– Кто такая Таня Таараи? – спросил я, повинувшись внезапному наитию.

Сара вздрогнула, широко раскрыла глаза и не очень широко – рот. Света отступила на шаг и выставила перед собой шприц, как будто это был нож в оборонительной позиции. Жесты обеих женщин были подсознательными, ни та, ни другая явно не отдавали себе отчет в том, что делают, но я сейчас понимал язык неосознанных движений тела во всех подробностях и деталях. Интересный побочный эффект у этого стимулятора. Вот дуры! Могли бы инструкцию прочитать, прежде чем колоть мне всякую гадость.

Эберхарт, кажется, не заметил этой мгновенной пантомимы.

– Была у нас такая девушка, – спокойно ответил он. – Хорошая девушка, умная, добрая, красивая. Внезапно умерла во сне, сердце прихватило.

Сара шумно выдохнула и выругалась вполголоса.

– Нельзя же так пугать-то, – пробормотала она.

– Нельзя фильмы ужасов по ночам смотреть, – сказала Света и хихикнула. – Ты, Алекс, выглядел точь-в-точь как одержимый демоном.

Снова ложь, только что придуманная, чтобы объяснить бессознательную реакцию Сары, а заодно и свою. Хотя нет, своей реакции она даже не заметила.

– Извини, – сказал я. – Пойдемте, пока наркотик действует.

Мы направились к шлюзу. Я не стал пользоваться шестом для подъема на следующий этаж, я просто прыгнул и не ухватился за край дырки в потолке, а нормально запрыгнул на верхний уровень и даже приземлился на ноги.

– Силен, – прокомментировал Эберхарт. – Света, дашь мне тоже попробовать?

– Не стоит, – отозвалась Света. – Отходняк тяжелый, привывание быстрое. Да и зачем тебе скакать по станции, как козлу?

А теперь она целенаправленно настраивает себя против меня. Зачем? Хочет сделать что-то дурное и заранее успокаивает собственную совесть? Тогда почему она сказала про отходняк? Его же не будет, это ясно видно из ее интонации!

А почему? Неужели...

Я вдруг споткнулся на ровном месте и растянулся на полу, сделав в падении сальто вперед. При низкой гравитации даже упасть нормально нельзя.

– Осторожно! – вскрикнула Сара. – Не прыгай так! Синдикейт увеличивает мышечную силу и выносливость, но нарушает координацию движений, несильно, но нарушает. И растормаживает сознание, я даже не думала, что так сильно. Постарайся взять себя в руки, тебе не нужно показывать чудеса ловкости. От тебя требуется только выносливость.

А ведь она испугалась за меня! Значит, я ей нужен, конечно же, нужен, кто, кроме меня, взберется по этому чертову канату? А потом... неужели?...

В сознании всплыло слово «убить». Я крутил и вертел эту мысль и так, и эдак, и все сходилось. Если предположить, что Сара и Света, да и Мэри тоже, хотят меня убить, когда я закончу миссию, то никаких противоречий не возникает. Проверить бы это... как...

И тут мою голову буквально расперло полным пониманием всего происходящего. Я вспомнил все – и разговор с Риком вчера вечером, и даже позавчерашний разговор на посту дежурного по жилью. Все стало ясно. Таню Таараи убили по приказу Мэри, потому что она узнала что-то такое, чего нельзя было узнавать никому, кроме Мэри, Сары и Светы. Лэн Генгар узнал об этом и это известие так подействовало на его мозг, что он свихнулся и попытался уничтожить стан-

цию. Или не свихнулся? Может, станцию действительно надо уничтожить? Нет, в это я поверю не раньше, чем увижу все доказательства собственными глазами.

Хорошо, что они вкололи мне этот самый синдикейт. Как же мощно он стимулирует сознание! Жаль, что потом привыкание развивается. Какая вещь! Я же теперь самый настоящий гений! Я понимаю все сразу и одновременно, мои мысли невероятно глубоки и в целом мире нет ни одной загадки, которая была бы не по зубам моему потрясающе сверхмощному разуму. А вот и понятно стало, как все проверить.

– Эберхарт! – позвал я. – Где Маша Грибоедова?

Эберхарт вздрогнул.

– Откуда ты ее знаешь? – спросил он.

– Неважно, – ответил я. – Понимаешь, – я приблизился к нему и тихо проговорил на ухо, чтобы не услышала Сара: – этот наркотик стимулирует не только тело, но и мозг. Я только что понял кое-что важное. Ты в курсе, что Таню Таараи убили по приказу Мэри?

Эберхарт посмотрел на меня тем взглядом, каким смотрят на умственно отсталых. Я мысленно прокрутил в мозгу свои последние фразы и понял, какое впечатление они произвели. У новенького крыша поехала. Ничего, это не смертельно, если только...

– Где сейчас Маша Грибоедова? – повторил я.

– У себя в комнате, наверное, – ответил Эберхарт. – А что?

– А где ее комната?

И тут я увидел прямо перед собой табличку с большой красной звездой, какой-то башней и надписью внизу: Маша Грибоедова. Если бы я был верующим, обязательно счел бы это божьим знаком.

Я ударил Эберхарта под дых, быстро, резко и без замаха. Огромный викинг сложился пополам, отлетел к стене, отрикошетировал от нее и чуть не сбил меня с ног, я едва успел увернуться. Вместо меня он врезался в Свету, которая как раз завершала очередной кенгуриный прыжок и увернуться не могла. Они столкнулись, как два бильярдных шара и разлетелись в разные стороны под углом девяносто градусов, иллюстрируя классическую задачу из механики.

Сара, шедшая (то есть, прыгавшая) впереди, обернулась на шум, на ее лице отразилось удивление, а больше ничего отразиться не успело, потому что я уже летел к ней, как живая торпеда. Она не успела ничего сделать.

Удар, захват, болевой прием, добивающий удар. Противник, вернее, противница без сознания. Быстро вернуться назад, стукнуть по головам Эберхарта и Свету, не сильно, а чтобы вырубилась минут на пять. И два прыжка к двери с красной звездой, надеюсь, она откроется.

Не открылась. Ничего, этот вариант я тоже предусмотрел, я же теперь гений. Взвалить на плечо Сару и подтащить к двери, не может быть, чтобы эта дверь не открылась перед вторым человеком на базе. Точно, открылась.

Маша Грибоедова оказалась то ли монголкой, то ли буряткой, в общем, что-то из северной ветви монголоидной расы. Никак не ожидал, что девушка с таким именем будет так выглядеть. А тем более не ожидал, чем именно она будет заниматься, когда я к ней вломлюсь. А уж она-то как не ожидала....

– Извини, – сдавленно пробормотал я и понял, что физические упражнения последних секунд не прошли даром. Я тяжело дышал, говорить было трудно. – Извини, я не думал, что ты...

Маша засунула вибратор под подушку и спросила ненормально спокойным голосом (я отчетливо понимал, что это спокойствие перед истерикой):

– С ума сошел?

– Нет, что ты! – воскликнул я. – Света вколола мне какой-то синдикейт, он усиливает мышление... Ты знаешь, что Таню Таараи убили?

Неожиданно я почувствовал, что Маша успокоилась.

– Я догадывалась, – сказала она. – Тебе нужна сыворотка правды?

Теперь настала моя очередь изображать живую статую с выпученными глазами. Как она догадалась? Она что, тоже?...

Маша немедленно ответила на невысказанный вопрос:

– Не смотри на меня так странно. Я тоже врач, я прекрасно знаю, как действует синдикейт и каковы его побочные эф-

фекты. Я не такая дура, как Светка, я умею не только гени- талии облизывать, но и делом заниматься.

– Света – лесбиянка? – догадался я. – Она поэтому так близка к Мэри?

– Светка – не лесбиянка, а проститутка, – отрезала Ма- ша. – Не по профессии, а в душе. Довыпендривалась, сука.

К этому времени Маша уже натянула трусы и шорты.

– Пойдем, – сказала она. – У меня здесь нет феназина, надо на пост идти. Там сейчас дежурят Дэвид и Либерато, но с ними проблем не будет. Ты сейчас кого угодно одолеешь, надо только не забывать, что твое преимущество в силе и скорости, а не в точности движений. Да и вряд ли вообще будет драка, они ведь тоже знают, что такое синдикейт. Да и вообще они адекватные люди.

К тому времени, когда Маша закончила говорить, я уже знал ее мотивы – она смирилась с тем, что станция обречена, и теперь просто развлекается напоследок. Разборки в стиле мясного боевика – ничуть не худшее развлечение, чем вир- туалка или, тем более, мастурбация.

4

Эберхарт и Светка остались в комнате Маши, Сару я взва- лил на плечо и мы поскакали в санчасть. Прыгать по-кенгу- риному с женщиной на плече оказалось непросто, я все вре- мя спотыкался и норовил упасть. В какой-то момент Маша

попробовала мне помочь, но стало только хуже.

Я начал нервничать. Мэри наверняка может просматривать и прослушивать все, что происходит на станции – иначе непонятно, как получилось, что сонный газ пошел в комнату Рика сразу после того, как он начал рассказывать про Таню Таараи. Очень скоро Мэри заинтересуется, куда я подевался и что со мной происходит, она начнет перебирать камеры внутреннего наблюдения, увидит меня на экране телевизора или куда там транслируется картинка с камер, и сразу все поймет. И тогда на меня начнется настоящая охота. И начнется она, скорее всего, с сонного газа.

Санчасть размещалась на третьем уровне, на полпути к шлюзу. С одной стороны, логично, но с другой стороны, забрасывать бесчувственное человеческое тело на верхний этаж сквозь дырку в потолке даже при низкой гравитации весьма непросто. В первый раз это получилось у меня более-менее сносно, а во второй раз я чуть-чуть промахнулся и тело Сары не осталось на верхнем уровне, а снова упало ко мне на руки. Пришлось швырять ее еще раз.

Когда я запрыгнул на третий уровень сам, грудные мышцы свело судорогой. Стимулятор – вещь хорошая, но злоупотреблять им не стоит. Как бы не пришлось потом долго лечиться...

Сара зашевелилась и застонала. Я уже начал примериваться, как ее получше оглушить, но тут Маша, взбирающаяся по шесту, просунула голову в дырку в полу, увидела, что про-

исходит, и крикнула:

– Не надо! Просто заломай ей руку и тащи в санчасть, это первая дверь по правой стороне.

При нашем появлении в санчасти возникла немая сцена. Дэвид (симпатичный и интеллигентный коротко стриженный блондин лет сорока) и Либерато (крючконосый лысеющий брюнет лет сорока пяти с очень волосатым телом) замерли в полнейшем ошолоблении и смотрели на нас, разинув рты.

– Чего вылупились? – спросила Маша. – Либи, достань мне феназин, пожалуйста.

– Не смей! – взвизгнула Сара.

Либерато вдруг рассмеялся и полез в ящик стола.

– Прикольно, – сказал он. – Кажется, жизнь перестает быть бессмысленной.

– На ближайший час – точно перестает, – согласился Дэвид.

– Мэри всех вас убьет! – крикнула Сара.

– Спасибо, что напомнила, – ехидно улыбнулся Дэвид и полез в стенной шкаф.

Извлек оттуда пачку женских прокладок, вытащил одну и наклеил на собственное лицо, закрыв нос и рот.

– Фекофедую, – сказал он. – Оф фовово фава фафифает.

Недовольно сморщился, поправил прокладку и повторил:

– От сонного газа защищает. По крайней мере, на пару минут.

Либерато тем временем уже набирал жидкость в шприц. Сара начала дергаться как бешеная, пришлось усилить нажим, Сара приглушенно вскрикнула и вдруг обмякла.

– Вывих, – констатировал Либерато. – При низкой гравитации связки слабеют, прямо беда.

Дэвид вытащил из пачки вторую прокладку и стал приделывать ее мне на лицо, стараясь не мешать мне держать Сару. Впрочем, Сара уже не сопротивлялась, кажется, она балансировала на грани обморока.

– Как бы в обморок не хлопнулась, – подтвердила Маша мои мысли.

– Не хлопнется, – заверил ее Либерато и быстро сделал инъекцию прямо в заломленную руку.

– Отлично, – сказал он, выдержнув шприц. – Теперь осталось только разок-другой дать в морду и можно начинать разговор.

– Можно я? – спросил Дэвид.

Встал поудобнее, примерился и отвесил Саре хорошую полновесную оплеуху.

– Отпускай, – сказал он.

Я отпустил Сару, она осела на пол и так и осталась сидеть, глупо хлопая пустыми глазами и баюкая вывихнутую руку.

– Спрашивай, – сказала Маша. – А то она уснет сейчас.

– Что случилось с Таней Таарай? – спросил я.

Сара демонически расхохоталась.

– Эта сука была слишком умная, – сказала Сара. – Она

изобрела протектор нелинейности.

– Чего? – не понял я.

– Лекарство от прыжков.

– От каких прыжков?

– От гиперпрыжков, – пояснила Сара. – Оно убирает повреждения организма после первого прыжка. Делаешь укол и можешь отправляться во второй прыжок, ничего не опасаясь.

– Сука, – тихо сказала Маша.

– Я и говорю, сука, – радостно согласилась Сара. – Ишь чего удумала! Расскажи она об этом хоть кому-нибудь, тут такое бы началось! Любому захочется вернуться на Землю, можно подумать, там кого-то из вас ждут.

Дэвид подошел к Саре поближе и я понял – сейчас будет бить.

– Стой! – крикнул я. – Мы еще не все выяснили. Материалы исследования сохранились? Формулы, расчеты, препараты какие-нибудь промежуточные...

– Конечно, сохранились, – кивнула Сара. – У Мамы в сейфе пятьдесят граммов готовой вакцины. Хватит на всю базу и еще останется...

– Сука, – пробормотал Дэвид и занес руку для удара.

Я едва успел поймать его за руку.

– погоди, – сказал я. – Последний вопрос. Кто убил Таню?

– Мама, – ответила Сара.

– Кто был в курсе дел?

– Я и Светка.

– Больше никого?

– Никого.

– Точно?

– Точно.

– Бей, – сказал я Дэвиду.

Дэвид отвел ногу назад, затем резко выбросил вперед и вlepил Саре хорошего пинка в нижнюю челюсть. Кость хрустнула, Сара упала, но не издала при этом ни звука.

– Хорошая анестезия, – прокомментировал Либерато. – Дайте-ка я тоже поучаствую.

– Оставь ее, – сказала вдруг Маша. – Лучше сходи за Эберхартом и Светкой, они в моей комнате валяются, должны уже в сознание прийти. Эберхарту надо объяснить, в чем дело, а со Светкой ты и сам знаешь, что делать. А Саре я пока укол сделаю, чтобы не убежала, с ней потом разберемся.

– Точно, сделай укол, – поддержал ее я. – А потом возьмем ее в охапку и потащим к Мэри.

– А причем тут Мэри? – удивился Либерато. – То есть, причем тут она, понятно, но зачем туда Сару тащить?

– А как ты дверь откроешь? – спросил я.

– Логично, – сказал Либерато. – Дэвид, Маша, идите вниз, а мы с... как тебя зовут-то?

– Алекс, – представился я.

– А мы с Алексом займемся этой сучкой, – продолжил Либерато.

Немного подумал и добавил:

– А ведь у нас запросто может все получиться.

– Если будешь стоять и тормозить – не получится ничего, – заметила Маша.

– Это точно, – кивнул Дэвид. – Пойдем, Маша, делать революцию, а то точно ничего не получится.

5

– Ну, вот ты где, – поприветствовала нас Мэри. – А я-то думала, куда ты подевалась...

Я отпустил Сару, она завалилась вперед и рухнула на пол, гулко ударившись головой. Я ворвался в комнату, встретился взглядом с расширившимися и ничего не понимающими глазами Мэри, и, не дожидаясь, пока она все поймет, бросился к ней, она попыталась заслониться рукой, я схватился за эту руку, отвел в сторону, заломил и услышал, как хрустнуло запястье. Все-таки низкая гравитация – зло, кости становятся такими хрупкими...

Мэри коротко взвизгнула и забилась то ли в истерике, то ли в судорогах. Заорала от нестерпимой боли и замерла на месте. В этот момент Либерато и вонзил ей иглу в вену.

– Гады, – тихо сказала Мэри.

Как ни странно, в ее голосе не было особого осуждения, была только печаль.

– Что будет со Светой? – спросила она.

– Не знаю, – ответил я. – За ней Дэвид с Машей пошли.

– Пообещай, что ее не тронут, – попросила Мэри. – А я тебе все расскажу.

– А ты и так все расскажешь, – заметил Либерато. – Сейчас феназин подействует и начнешь рассказывать.

– Но она ни в чем не виновата! – воскликнула Мэри. – Она не виновата в том, что любила меня!

– Она не тебя любила, – возразил Либерато. – Она твое положение любила. А вот ты ее любила, а зря, лучше бы с Таней Таараи сошлась.

– Таня была гетеросексуальна, – вздохнула Мэри. – Кроме того, она была глупа, не в научном плане, а в житейском. Сделала вакцину от прыжков и предложила мне тут же ее всем вколоть и всем сбежать на Землю. Ну не дура ли?

– А почему дура? – не понял Либерато. – Что в этом глупого?

– Ты не сможешь жить на Земле, – сказала Мэри. – И я не смогу, и Света, и Дэвид. А вот Алекс сможет, он от земного притяжения еще не отвык. А нас с тобой прыжок убьет, какую вакцину ни вкалывай. Танино открытие было бесполезным, оно могло помочь только одному человеку – ей самой. Обнародовать его было нельзя, это бы только расстроило людей. Тяжело вдруг узнать, что у тебя был шанс сбежать из тюрьмы, но ты его упустил, гораздо лучше, когда все думают, что шансов не было с самого начала.

– Но можно же тренажеров каких-нибудь понаделать... –

сказал я. – Лекарства наверняка есть какие-то...

– Может, и есть, – сказала Мэри. – Но не у нас. Зачем в дальнем космосе заниматься здоровьем сетлеров? Все знают, что сетлеры никогда не возвращаются обратно. Думаешь, я не думала, как можно воспользоваться этой вакциной? Очень много думала. Я и Тане предложила подумать, а она уперлась. Хочу, говорит, рассказать всем, и пусть все решают все вместе. Демократка хренова... Ненавижу либералов!

– Но-но! – прикрикнул Либерато.

Мэри вдруг хихикнула.

– Извини, Либи, – сказала она. – Игра слов. Я не тебя имела ввиду.

– Хорошо, проехали, – сказал Либерато. – Так что ты придумала, пока много думала?

– Ничего, – ответила Мэри. – Абсолютно ничего. Я не знаю, что полезного можно сделать с этой вакциной.

– Но корпорации будет выгодно, если сетлеры начнут возвращаться, – заметил я. – Можно будет снизить зарплату...

– И уменьшить откат топ-менеджерам, – продолжила Мэри. – Когда я была еще гейшей, мой последний клиент был из «Шемахи», он меня, собственно, и отмазал от тюрьмы. Правда, это трудно назвать отмазыванием, иногда я думаю, лучше было бы в тюрьме отсидеть лет десять.

– И к чему ты это все рассказываешь? – не понял я.

– К тому, что он немного просветил меня насчет нра-

вов в «Шемахе». Специально он ничего не рассказывал, но кое-что в разговорах проскальзывало. Начнет какую-нибудь смешную историю излагать, да и проговорится. Там у них финансовые злоупотребления жуткие. Эти деньги, которые родственникам отсылают, они практически бесконтрольны. Кто жив, кто умер, точно знают только в корпорации. Точные цифры выплат нигде не публикуются, ими тоже можно манипулировать как угодно. К тому же, деньги почти всегда общественные, их разворовать сам бог велел. Если бы эти деньги не разворовывались, нашу базу закрыли бы уже давно, все равно никакой пользы от нас нет уже лет пять. А к нам все время новых людей присылают, тебя вот прислали, зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.